

A romantic illustration of a young couple on a balcony. The woman, in the foreground, has long, wavy brown hair and is wearing a pink, off-the-shoulder gown with lace detailing. She holds a single pink rose. Behind her, a young man with short, light-colored hair and a light beard wears a light blue, long-sleeved shirt with lace-up details and black pants. They are standing on a balcony with ornate iron railings. In the background, a large sailing ship is visible through an arched window, and pink roses climb the balcony railing on the right.

Уж замуж...
Так и быт

16+

Елена Малиновская

Елена Михайловна Малиновская

Уж замуж... Так и быть!

Серия «Уж замуж...», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67599960

SelfPub; 2022

Аннотация

Так, с одним мужем я развелась. От второго сбежала, заставив его поверить в то, что я умерла. А вот что делать с третьим избранником? Он умен, хитер и дьявольски привлекателен. И как раз его женой я стать очень даже не против. Правда, есть один маленький нюанс. Оказывается, он уже женат. Настоящее безобразие! Ведь в этом мире разводы не приняты.

Ах да, а еще он инквизитор, а я ведьма с темным даром. И меня всюду сопровождает призрак моего несостоявшегося свекра.

Ну что же, Лариса, будем решать проблемы по мере сил и возможностей. Все равно дорога в родной мир навсегда закрыта.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
СОБЛАЗНИТЬ ИНКВИЗИТОРА	5
Глава первая	6
Глава вторая	48
Глава третья	67
Глава четвертая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елена Малиновская
Уж замуж... Так и быть!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОБЛАЗНИТЬ ИНКВИЗИТОРА

Глава первая

Я подарила своему отражению чарующую улыбку. Эх, хороша, чертовка, как сказал бы отец!

Пушистые длинные каштановые волосы, скрепленные около висков несколькими заколками с крупными жемчужными наверхушками, блестящими локонами падали мне на полюбощенные плечи. Пухлые губы были аккуратно подведены ярко-алым кармином. Глаза я макияжем почти не тронула. Лишь подчеркнула угольно-черной подводкой линию роста ресниц. Ну а с такой нежной кожей пудра мне вообще была не нужна.

Невольно вспомнились мои мытарства с косметикой в родном мире. В последний год я не меньше получаса проводила перед выходом на работу около зеркала, пытаюсь замаскировать круги под глазами от недостатка сна и землисто-серый от усталости цвет кожи. Да, тридцать лет – это, увы, не восемнадцать. А впрочем, в любом возрасте нелегко выглядеть юной воздушной нимфой, когда вкалываешь, как проклятая, минимум по двенадцать часов в день.

Я тряхнула головой, отогнав мысли о тяжелом прошлом. Отступила на шаг и несколько раз повернулась около зеркала, придирчиво изучая наряд, который выбрала для сегодняшнего ужина.

Ярко-алое шелковое платье обнимало меня, словно вторая кожа. Широкий черный атласный пояс подчеркивал тонкую талию. Подол расходился несколькими клиньями. Декольте, на мой взгляд, было даже слишком глубоким. Но ничего. Так намного лучше.

– По-моему, слишком вызывающе, – проскрипел за спиной до боли знакомый голос.

В отражении я заметила, как воздух около меня замерцал, густея на глазах. Мгновение, другое – и я увидела барона Гейба Теоля, с недавних пор своего неизменного спутника.

Неодобрение слишком явственно было написано на лице пожилого седовласого мужчины. Он презрительно кривил тонкие губы и усердно хмурил кустистые брови, всем своим видом показывая, что ему не нравится, как я выгляжу.

– Честное слово, Лариса, переделась бы ты, – пробурчал он. – Это не платье, а какая-то пошлятина и безвкусица.

– Почему это? – искренне удивилась я столь строгому и несправедливому вердикту.

– В мое время женщины не позволяли себе такое, – фыркнул барон. – Это... Безобразие это полное! Все прелести на показ.

– Ох, барон, – вздохнула я лукаво. – Видели бы вы, как одеваются женщины в моем мире. Боюсь, вас бы удар хватил.

– А как они одеваются? – внезапно заинтересовался Гейб. – Неужели еще более развратно?

Я невольно улыбнулась. Ну, если платье в пол для барона

– развратное одеяние, то даже страшно представить, что бы он сказал, увидев на пляже девушек в бикини. Точно бы с сердцем плохо стало. Хотя нет, инфаркт призраку точно не грозит.

– Все равно не одобряю я этого, – не дождавшись от меня ответа, хмуро продолжил Гейб. – В женщине должна быть загадка! А тут сразу весь товар лицом.

И призрак рассерженно замерцал, готовый в любой момент развоплотиться.

– Теперь я понимаю, почему Петер такой стеснительный, – задумчиво протянула я. – Чуть в обморок не упал, когда меня в ночной рубашке увидел.

– Я воспитывал своего мальчика в старых традициях! – с нескрываемой гордостью заявил Гейб.

Правда, тут же запнулся и погрузился. Уныло вздохнул, опять замерцав всеми цветами радуги.

Без слов понятно, почему так нахмурился. Вспомнил, наверное, что на самом деле Петер – не его сын, а племянник.

Я в последний раз поправила волосы и отошла от зеркала. Ладно, хватит собой любоваться. Есть дела и поважнее.

– Так почему ты так вырядилась, Лариса? – спросил Гейб. – Вроде бы, никакого званого ужина сегодня не предполагается. Или Джестер пригласил тебя куда-то? – Хмыкнул и язвительно добавил: – Да нет, я бы знал.

Я недовольно повела плечами. Неприятно осознавать, что неупокоенная душа моего несостоявшегося свекра отныне

обречена постоянно быть рядом со мной. Первые дни я изрядно бесилась от осознания этого факта. Попробуй тут расслабиться в ванной или уборной, когда понимаешь, что за тобой вполне могут в этот момент подглядывать. Но барон Гейб заверил меня, что никогда и ни за что не опустится до подобного. Наша незримая связь вполне позволяла ему держаться от меня на некотором отдалении. И барон поклялся мне, что его воспитание не позволяет ему подглядывать за обнаженными девушками. Проверить это я была не в состоянии при всем своем горячем желании. Оставалось лишь поверить.

К слову, упрекнуть Гейба в излишней привязчивости я не могла. Он не надоедал мне разговорами и первое время вообще старался лишний раз не материализоваться рядом. Правда, в последние дни мы частенько болтали. И тому были свои причины.

Одиночество и скука смертная. Вот какие чувства испытывала я постоянно после того, как Джестер инсценировал мою смерть и забрал меня с собой. Около месяца прошло с той поры, как он вынес меня на руках из фамильного склепа рода Теоль, который, хвала небесам, не стал моим последним прибежищем. Затем была дорога в его столичный дом. Как я ни пыталась разговорить Джестера в карете и узнать, что меня ожидает в будущем – все зря. Он словно погрузился в оцепенение, глядя куда-то поверх моей головы и игнорируя любые вопросы. Сдавшись, я с радостным нетерпением

ем стала ожидать окончания путешествия, надеясь, что, оказавшись в знакомой обстановке, Джестер немного оттаяет и снизойдет до моих расспросов. Однако моим чаяниям было не суждено сбыться.

Мы въехали в Мефолд поздним вечером. Карета долго тряслась по каменной мостовой, блуждая в лабиринте узких изогнутых улочек. Я приникла к окну, желая рассмотреть город, в котором никогда не была. Но Джестер строго шикнул на меня и задернул плотные занавески. Даже его дом я видела мельком – когда выходила из кареты. Огромное трехэтажное здание с крышей из темно-багровой черепицы мрачно нависало над подъездной дорогой. Я остановилась было, задрала голову, желая полюбоваться на свое очередное пристанище, но Джестер, ни слова не говоря, грубо подхватил меня под локоть и почти насильно поволок к крыльцу.

В доме он сразу же перепоручил меня заботам домоправительницы – суровой, широкоплечей женщины лет пятидесяти по имени Энни. За те недели, что я провела здесь, я не слышала ни слова из уст этой мужеподобной особы, предпочитающей в одежде наглухо закрытые платья исключительного черного цвета и убирающей волосы под темные платки. Да что там, я бы всерьез поверила, что она немая, если бы не услышала однажды ее ругань на лестнице. Глухой словно прокуренный голос выдавал неизвестной растяпе такие витиеватые пожелания всего наихудшего, что я невольно заслушалась.

Только Энни позволялось заходить в комнаты, выделенные для моего проживания. Больше никаких слуг я не видела. Но общение у меня с ней не сложилось. Если это возможно назвать общением, конечно. Все мои попытки разговорить ее оканчивались ничем. Самые прочувственные тирады, самые умоляющие монологи, самые слезные мольбы – ничто не могло тронуть суровое сердце служанки. Когда я теряла терпение и повышала голос – он сразу же уходила, прежде вежливо поклонившись на прощание.

Словом, мое пребывание в доме инквизитора более напоминало самое настоящее заключение. Хотя нет, неправильно. Заключение хотя бы прогулки позволены. А я ни разу за все это время не покинула пределы дома. Да что там, даже в обеденный зал на завтрак, обед и ужин меня сопровождала Энни. Прямо ни дать ни взять – надзирательница в женской тюрьме. Даже огромная связка ключей у нее имелась, которыми она гремела, когда шла по коридору к моим покоям.

Две смежные комнаты, одна из которых спальня, вторая – подобие рабочего кабинета с некоторым количеством любовных романов, ванная. Вот и все мои владения здесь. Все, что мне оставалось, – это смотреть в окно на зеленый сад и грустно вздыхать, ожидая, когда Джестер наконец-то соизволит навестить меня.

Я не видела инквизитора с самого момента своего приезда. Мои трапезы всегда проходили в полном одиночестве. Но сегодня я собиралась изменить привычный порядок вещей.

Хватит, надоело! Я буду не я, но прорвусь к Джестеру и потребую у него ответа.

– Интересно, а откуда у Джестера в доме все эти наряды? – пробурчал барон Гейб, с любопытством заглянув в гардеробную. – Смотри-ка, даже подгонять под твою фигуру ничего не пришлось. Платья на любой вкус.

– Об этом я тоже собираюсь у него спросить, – пробурчала я. Невинно полюбопытствовала: – Он в доме?

Призрак неярко замерцал, собираясь растаять.

Еще одна вещь, которая раздражала меня до зубового скрежета. Естественно, когда я осознала, что Джестер упорно избегает со мной общения, то попыталась заручиться поддержкой Гейба. Он ведь призрак! Нематериальное создание, для которого любая стена или запертая дверь – ничто! Так почему бы не помочь мне передать пару «ласковых» Джестеру?

Но нет, барон и слышать об этом не хотел. При любом упоминании имени инквизитора барон сразу же исчезал. Видимо, прекрасно понимал, о чем пойдет разговор.

Не пойму, чего он так боится? Полное развоплощение – это самое худшее, что может с ним сделать Джестер. Но, по моему, как раз об этом Гейб и мечтает.

– Да бросьте, барон, – нарочито ласково проворковала я. – Я ведь не прошу у вас шпионить за ним. Я задала обычный и простой вопрос. Неужели так тяжело ответить на него?

– Ты хитрая лиса, Лариса, – буркнул Гейб, но его фигура

вновь обрела обычный объем. — Знаю я твои простые вопросы. До сих пор помню, как ты Агнессу и Вейна на чистую воду вывела. А ведь тоже разговор с Петером начала с обычных вроде расспросов. Палец тебе в рот не клади. Не заметишь, как всю руку оттяпаешь. Образно выражаясь, конечно.

— И чем же вам грозит излишняя откровенность? — Я кокетливо взмахнула длинными ресницами. — Барон, вы призрак. По-моему, кому-кому, а вам бояться гнева инквизитора точно не следует.

— Если бы. — Гейб недовольно насупился. Почему-то понизил голос, как будто боялся, что нас могут подслушать, хотя даже Джестер был не в состоянии его услышать, после чего затараторил: — Не хотел тебе признаваться, но... Иначе ведь все равно не отстанешь. Лариса, сразу после нашего приезда сюда Джестер призвал меня посредством ритуала. Конечно, увидеть меня он не мог. Но это ему было и не нужно. Главное, что я при всем своем горячем желании был не в состоянии проигнорировать его приглашение к разговору.

Барон Гейб Теоль тяжело вздохнул. Скривился, как будто страдал от какой-то боли.

— И что же вам сказал Джестер? — поинтересовалась я, немало заинтригованная неожиданным откровением призрака.

— Он приказал мне сидеть в твоих покоях, Лариса, и носа за пределы их не высовывать, — проговорил барон. — Завещал, что в противном случае мне будет больно. Очень боль-

но. Мол, зря говорят, что мертвые не могут страдать. Еще как могут. А потом продемонстрировал справедливость этих слов.

– Как это? – Я высоко подняла брови.

– Так это. – Барон выразительно передернул плечами. – Это длилось несколько секунд. Но, поверь, мне хватило с избытком. Я как будто вернулся в смертное тело, Лариса. Тело, которое горело заживо. Это было... Очень мучительно и очень страшно.

Я покачала головой, неприятно удивленная словами барона. Вот, значит, как. А с другой стороны, почему я удивляюсь?

В общем-то, я и до этого знала, что Джестер – весьма жесткий человек, если не сказать – жестокий. Да что там говорить, он и меня подвергнул достаточно неприятной проверке, которая продемонстрировала мой иммунитет к ментальной магии. И с его стороны угрозы барону Гейбу были более чем понятными. Призрак – идеальный шпион. Невидимый, неслышимый. Напротив, было бы странно, если Джестер с его прозорливостью не предпринял бы должных мер.

Однако я тоже не лыком шита. И не собираюсь смиренно сидеть и ожидать, когда господин великий и ужасный инквизитор соизволит навестить свою бесправную пленницу.

– Но я не прошу вас никуда идти. – Я наивно захлопала длинными ресницами, глядя на насупившегося Гейба. – Вы ведь наверняка чувствуете присутствие Джестера. По край-

ней мере, в своем замке вы всегда были в курсе всего происходящего, даже не присутствуя при этом лично. Неужели я ошибаюсь, и ваши способности на самом деле не такие выдающиеся?

– В замке я умер, – резонно возразил Гейб. – Сила любой неупокоенной души зависит от близости к тому месту, где она навсегда простилась со смертной жизнью и покинула тело.

– Ах, какая жалость! – Я картинно вздохнула. – Неужели Джестера нет в доме?

Приложила ладонь ко лбу, искоса наблюдая за реакцией призрака.

Темнишь ты, мой дорогой. Сейчас твоя сила не зависит от близости к замку. Джестер привязал тебя ко мне. Мы отныне неразлучны, как...

«Как Сид и Нэнси», – вспомнился привязчивый припев из песни в моем мире. Правда, вряд ли Гейб поймет подобное сравнение. Да и я вряд ли сумею объяснить ему историю этой любви.

– Да здесь он, – буркнул Гейб. – Здесь. За все это время тоже ни разу не покинул дом. – Кашлянул и продолжил скептически: – Правда, я никак не пойму, как ты собралась добиться с ним встречи? Или надеешься очаровать эту самую Энни? В таком случае, старалась и наряжалась ты зря. По-моему, легче влюбить в себя каменную статую, чем растопить сердце сей особы.

– Посмотрим, – неопределенно протянула я.

После чего заняла кресло напротив двери и принялась ждать, нервно постукивая кончиками пальцев по подлокотникам.

Барон хмыкнул, но больше не стал донимать меня вопросами. Его фигура медленно растаяла, но я не сомневалась, что он где-то рядом. Вряд ли захочет пропустить такое представление.

Энни, как и обычно, была пунктуальна. Ровно в пять вечера я услышала позвякивание ключей и ее тяжелые шаги в коридоре. Явилась – не запылилась. Сейчас поведет меня на ужин.

Любопытно, а что будет, если по дороге туда я сбегу? Подхватчу подол платья повыше – и задам драпака? Неужели кинется вдогонку? Тяжело в таком случае ей будет догнать меня. Я моложе и шустрее.

Но, с другой стороны, а куда мне бежать? Я понятия не имею, где в этом огромном доме искать Джестера. Метаться по всем этажам и громогласно орать его имя? Ну... Если сегодняшний план провалится, то, возможно, завтра я так и поступлю. Однако больше не буду тихой и удобной пленницей.

В замочной скважине заскрежетал ключ. Мгновение, другое – и дверь медленно отворилась, а на пороге предстала Энни собственной персоне.

Женщина мрачно воззрилась на меня, не сделав ни малей-

шей попытки поприветствовать хотя бы кивком или улыбкой. Затем мотнула головой, молча предлагая следовать за ней.

– Что-то мне сегодня не здоровится, – жалобно пролепетала я, оставшись в кресле.

Энни насупилась пуще прежнего. Вопросительно вздернула бровь.

– Перед глазами все плывет, только встану, – продолжила я жаловаться. – Как будто воздуха не хватает. Ох!..

И принялась усердно обмахивать себя руками, не забывая искоса поглядывать на женщину.

Неужели не проникнется моими страданиями? По моему плану после этого она обязана немедленно отправиться к Джестеру с сообщением, что его гостье дурно. Когда инквизитор явится – то увидит прелестную юную девушку, находящуюся на грани обморока. Хотя бы пульс он у меня должен проверить! Ну а дальше дело техники. Джестера ведь влечет ко мне, и влечет сильно. Собственно, как и меня к нему. Не думаю, что та страсть, с которой он целовал меня в замке рода Теоль, была разыгранной.

А если даже и не удастся его соблазнить – не велика беда! Поговорить со мной я его заставлю. Вцеплюсь, как пиявка, пока он на все мои вопросы не ответит!

Однако Энни и не подумала бежать за помощью. Она грозно сдвинула брови и опять мотнула головой в сторону двери. Эх, ни капли сочувствия!

– Как скажете, – смиренно прошептала я. – Я... Я попробую.

Нарочито медленно поднялась на ноги. Схватила за спинку кресла, как будто пережидая приступ дурноты. Затем шагнула к Энни.

– Ой! – жалобно пискнула и упала якобы в обморок.

Естественно, не на пол. Эдак и расшибиться недолго. Я заранее отрепетировала эту сцену и придвинула кресло поближе к кровати, чтобы упасть именно на нее.

Несколько секунд после этого было тихо. Я затаила дыхание, силясь понять, что делает Энни. Глаза я держала крепко закрытыми, чтобы у нее не возникло ни малейших подозрений в искренности сцены.

Так, за помощью она не побежала. Это плохо. Но, надеюсь, сейчас она постоит немного, убедится, что обморок затягивается, и все-таки отправится к Джестеру с докладом...

Но моим чаяниям было не суждено сбыться. В следующую секунду на меня обрушился настоящий водопад из очень холодной и очень мокрой воды.

– Ай! – негодуя вскричала я и вскочила с кровати.

Насквозь промокшее платье неприятно прилипло к коже, от пышных локонов не осталось и следа. Откуда она столько воды взяла? Как будто ведро загодя приготовила.

Энни торжествующе усмехнулась и поставила на стол вазу, в которой прежде стояли цветы. Я с подозрением принялась к себе. Одно радует – вода хоть свежая, а не протух-

шая.

– Милочка, не быть тебе актрисой, – пророкотала Энни. – Или думала, я никогда не видела, как люди сознание теряют? Ого! Заговорила-таки!

– А зачем тогда обливали водой? – хмуро спросила я. – Если знали, что притворяюсь?

– Ну, я могла бы дать тебе пощечину. – Энни равнодушно пожала плечами. – Кстати, в следующий раз так и сделаю, если опять дурачиться примешься. Только учти – рука у меня тяжелая. Оплеуху такую залеплю, что мало не покажется.

Я невольно поежилась, покосившись на огромные ручища женщины. Верю, что влепить она может так, что днем звезды увидишь.

– А как Джестер на это отреагирует? – полюбопытствовала я.

– Хозяин мне сразу сказал, чтобы я с тобой построже была, – сухо сказала Энни. – Так что, думаю, ругать не будет. Но, полагаю, подобного развития событий не нужно ни тебе, ни мне. Дурной мир лучше доброй ссоры.

Ах, вон оно как! И я нехорошо прищурилась. Ну Джестер! От тебя я такого не ожидала. Неужели и впрямь ты позволишь своей служанке избивать меня?

– Идем ужинать, – чуть мягче продолжила Энни. – Остынет все. Невкусно будет. Или опять какую трагедию ломать начнешь?

– Я хочу поговорить с Джестером! – заявила я и с вызовом

вздернула подбородок. – Проводи меня к нему!

– Господин строго наказал его не тревожить. – Энни покачала головой. – Когда ему надобно будет – сам придет. Так что не ерепенься.

– Но мне очень надо. – Тембр моего голоса неуловимо изменился. Он еще не вибрировал, как прежде, когда я разговаривала с Агнессой. Но я знала, что еще немного – и я сумею подчинить Энни своей воле.

Конечно, не хотелось бы прибегать к этому методу. В этом мире подобные чары считаются незаконными, и в свое время Джестер в красках описал, какое наказание следует за подобные шалости.

Однако в такой ситуации пойдешь на крайние меры. Я должна знать, к чему мне готовиться!

– Прости, милочка. – Энни пожала плечами. – Я приказы хозяина не обсуждаю.

– Но мне это правда очень нужно.

А вот теперь прозвучало так, как необходимо. Воздух вокруг нас неуловимо задрожал, оплетая женщину незримой сетью моих чар. Взгляд Энни начал стекленеть, и я торжествующе усмехнулась, уже мысленно празднуя свою победу.

Как оказалось – слишком рано. В следующий момент я взвизгнула от боли. И не придуманной, а самой что ни на есть настоящей.

В глазницы словно вонзились невидимые раскаленные спины. Виски заломило, перед глазами все побелело в пред-

двери самого настоящего обморока.

– Что... – сипло выдохнула я. – Что происходит?

Головокружение усилилось многократно, и я бухнулась, лишь каким-то чудом не промазав мимо кровати. Мелко задышала, словно жестоко побитая собака.

И тотчас же все дурные ощущения мгновенно схлынули, как будто лишь почудились мне. Я неверяще ощупала голову, убеждаясь, что она и впрямь цела. А то мне почудилось, будто она вот-вот лопнет.

– Эй, что с тобой? – уже с настоящей тревогой спросила Энни. – Ты чего так побледнела, милочка? Неужто впрямь дурно?

– Уже не дурно.

При звуках этого голоса я вздрогнула. Потому что ответил служанке Джестер.

Господин главный инквизитор Орленда стоял в дверном проеме, небрежно скрестив на груди руки. Сердце привычно пропустило удар, а потом зачастило вдвое от обычного, когда я поймала взгляд его стальных глаз. Ух, как же я соскучилась, оказывается! Так и хочется броситься на шею этому невыносимому блондину! Но нет, Лариса, ты так не поступишь. Ты не позволишь глупым чувствам взять вверх.

– Ну и что все это значит? – ледяным тоном осведомилась я. – Вообще-то, мне было больно. Очень больно!

– Я знаю, – спокойно сказал Джестер. Посмотрел на Энни – и та без лишних слов сразу же отправилась восвояси.

К слову, инквизитору-то она поклонилась. Сразу, как увидела его. Чуть лбом пола не коснулась – так усердно согнула спину.

Джестер дождался, когда Энни закроет за собой дверь и в коридоре отзвучат ее шаги. Затем неторопливо сделал ко мне шаг. Остановился, и в глубине его серых глаз запрыгали знакомые веселые искорки.

– Ничего забавного в этой ситуации не вижу! – хмуро заявила я. – Как погляжу, тебе нравится мучить людей, не так ли?

– Интересный вопрос применительно к инквизитору. – Джестер фыркнул от смеха. – Вообще-то, совершенно не нравится. Хотя профессия обязывает. Однако в данном происшествии виновата исключительно ты.

– Да неужели? – Я скептически хмыкнула. – Это как?

– Неужели ты думала, что у моих слуг нет защиты от ментальных чар? – вопросом на вопрос ответил Джестер. – Лариса, я – главный инквизитор. И врагов у меня более чем достаточно. Любой человек, входящий в мой дом, – лакомый кусочек для моих недругов. Я верю в преданность своих людей. Та же Энни жизнь за меня отдаст, не задумываясь. Но они обычные люди и не в силах сопротивляться заклятьям. Не мне тебе объяснять, что при помощи магии можно разговаривать даже немого.

– Защита от ментальных чар? – протянула я, несколько обескураженная.

– Конечно. – Джестер снисходительно кивнул. – Больше не пробуй провернуть подобный фокус с Энни или с любым другим человеком в этом доме. В следующий раз урок продлится дольше.

Ух, как он заговорил! Аж мороз по коже.

– Угрожаешь? – с вызовом спросила я.

– Предупреждаю. – Глаза Джестера опять заискрились от смеха, а я обиженно насупилась.

Гад он все-таки. Лишний раз в этом убедилась. Ах да, профессия же обязывает.

– Ладно, не дуйся, – примиряющим тоном протянул Джестер, подойдя еще на шаг ближе. – Я бы мог тебя предупредить. Но ты ведь все равно захотела проверить на собственном опыте. Не так ли?

– Не так, – сухо отрезала я. – Вообще-то, я весьма осторожный и понятливый человек.

Джестер опять улыбнулся, но не стал продолжать спор. Вместо этого он мягко поинтересовался:

– Ну и о чем ты хотела со мной поговорить?

– Да обо всем! – Я раздраженно всплеснула руками. – Джестер, я тут уже месяц! Волком выть хочется от этих четырех стен! Что все это значит? И как долго ты еще будешь держать меня под замком?

– А разве тебя что-то не устраивает? – нарочито удивился Джестер. – Я ведь предупреждал тебя, что некоторое время тебе будет нельзя покидать пределы дома.

– А еще ты обещал сделать мое заключение максимально комфортным, – ядовито напомнила я.

– Вот именно. – Джестер словно в упор не понимал причины моего недовольства. – Так какие у тебя претензии?

По-моему, он все-таки надо мной издевается. Стоит тут передо мной и невинно улыбается.

– По-моему, тебе не на что жаловаться, – продолжил Джестер. – Теплая светлая комната. Отдельная ванная с великим множеством всевозможных средств для ухода. Гардеробная, опять-таки. Да и книг у тебя хватает.

– Это ты называешь книгами? – не выдержала и перебила его я. – Ты хоть сам листал, что предлагаешь мне читать?

– Я не особый любитель женского чтива и любовных романов, – уклончиво ответил Джестер. – Но все эти произведения получили одобрение инквизиции...

– О да, я в этом не сомневаюсь, – опять не дала я ему договорить. – Замечательные книги! Повествующие о том, что женщины всегда и во всем должны повиноваться мужчинам. Все как под копирку. Верная жена, заскучав в давнем браке, обращает внимание на какого-нибудь рокового красавчика. Тот делает попытку соблазнить ее. И большую часть книги несчастная женщина предается тяжким раздумьям о моральной дилемме, которая стоит перед ней. Но в итоге все-таки отвергает гнусные притязания и на коленях клянется перед мужем до конца жизни отмаливать свои грехи перед ним и семьей.

– Кстати, очень поучительное чтение. – Джестер назидательно вздел указательный палец. – И полезное. Особенно для тебя, Лариса.

– Почему это? – искренне удивилась я. – Я своему мужу в браке не изменяла.

– И все-таки твоё воспитание слишком отличается от норм и правил нашего мира, – вкрадчиво проговорил Джестер. – Промолчу уж про образование. В нашем мире женщин обучают лишь грамоте и счёту.

– Ну уж извини, – ядовито фыркнула я. – Я понимаю, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Однако просто не могу взять – и забыть все прожитые годы.

– Очень жаль, – спокойно отозвался Джестер.

Я никак не могла понять, шутит он или говорит всерьёз. В уголках его рта притаилась слабая усмешка, на дне зрачков поблескивала ирония. Но говорил он так, как будто действительно верил во все это.

– Так что именно тебя не устроило в предложенных романах? – полюбопытствовал он и опустил в кресло напротив. – Или ты не поклонница семейных ценностей, о которых там говорится?

– Поклонница, но... – Я неопределенно всплеснула руками. – В жизни всякое бывает. Иногда любовь проходит, заменяясь привычкой. И если брак начинает тяготить обоих – почему бы не развестись? Зачем держаться за прошлое, если тем самым закрываешь дорогу будущему? – Помолчала

и добавила с явной претензией: – И знаешь, в этих книжонках, кстати, описывались и интрижки мужей. Правда, жены почему-то воспринимали это как должное.

– Не «почему-то», – исправил меня Джестер. – Просто обычно так и бывает в нашем мире. Предупреждаю сразу, чтобы ты вдруг не вздумала возмущаться этим обстоятельством в чьем-нибудь присутствии.

– Мерзкий у вас мирок, – пробормотала я возмущенно. – Средневековые настоящие!

Джестер в ответ лишь развел руками, словно говоря – ну прости, так уж получилось.

– А к чему ты вообще завел со мной об этом разговор? – с внезапным подозрением осведомилась я. – Какое отношение к моим проблемам имеют семейные ценности вашего мира?

Джестер несколько раз стукнул пальцами по колену. Своему, естественно. Хотя, если честно, я бы не отказалась, если бы и по моему. За прошедшее с нашей последней встречи время я уже почти забыла, насколько меня привлекает этот невыносимый тип. А вот теперь начала вспоминать.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что сам гулена еще тот? – прямо спросила я, убедившись, что тот не намерен отвечать.

– Уж не хочу ли, – парировал в своей привычной манере Джестер.

– Тогда откуда в твоём доме столько женских нарядов? – не унималась я. – Поневоле заподозришь, что у тебя тут перебывало множество любовниц.

– Не множество и не любовниц, – исправил меня Джестер.

– Утешение так себе, – честно сказала я после секундной заминки, пока силилась проникнуть в потаенный смысл столь загадочной фразы. – То есть, кто-то у тебя тут все-таки побывал.

Последняя фраза получилось утверждением, а не вопросом. Но Джестер не стал возражать. И я напряглась пуще прежнего. Выпрямилась, хмуро уставившись на него и на всякий случай сжав кулаки.

Что же мне так не везет в личной жизни? Первый муж был пьяницей. А теперь, выходит, я влюбилась в Казанову местного пошиба. Уж не знаю, слаще ли в данном случае хрен редьки или наоборот.

– Лариса, у меня есть жена, – в этот момент сказал Джестер.

Я изумленно захлопала ресницами. Как это?

– Ты вдовец? – спросила, отчаянно надеясь на положительный ответ. Но тут же поняла, что Джестер говорит в настоящем времени, а не в прошедшем. Кашлянула и задала новый вопрос: – То есть, ты разведен?

И опять замолчала, вспомнив, как в свое время предложила Петеру развод. Тогда он сказал, что не может пойти на это. Потому что бывших жен в этом мире принято отправлять в монастыри. Или же признают за умалишенных и заключают в специальные пансионаты до самой смерти.

Что-то мне не нравится все это. Очень не нравится! Дже-

стер, конечно, весьма своеобразный и жесткий человек. Но не хочется верить, что он так поступил с опостылевшей супругой.

– Нет, Лариса, я не вдовец и не разведен, – все с тем же пугающим спокойствием произнес Джестер. – С моей женой все в полном порядке. Кстати, ее зовут Летисия. И она проживает в Мефолде.

Я покосилась в сторону стола, где стоял хрустальный графин с прозрачным содержимым. Джестер, поняв меня без слов, встал и налил полный фужер воды.

Мои пальцы предательски тряслись, когда я приняла его. Да уж, по вполне понятным причинам я не особая любительница алкоголя. Но сейчас бы не отказалась от вина или чего покрепче.

– Очень любопытно, – сдавленно проговорила я, прежде сделав глоток. – Тогда зачем...

Запнулась, не в силах облечь в слова терзающие меня мысли.

Демоны, да я всерьез верила, что Джестер равнодушен ко мне! Его влекло ко мне так же, как и меня к нему. Но если он в счастливом браке – то к чему было забирать меня от Петера и устраивать весь этот спектакль с мнимым погребением? Я понимаю, что таким образом он спасал меня от суда инквизиции и обвинений в занятиях темной магии. Но... Что насчет моего будущего? Неужели я навсегда останусь бесправной пленницей в его доме?

Эх, где же эта ходящая между мирами! Вот честное слово – в волосы бы ей вцепилась за такую подлость! Про какую-то еще ложку дегтя имела наглость говорить. Да с какой стороны ни посмотри – это целая бочка с нечистотами, куда она меня с головой погрузила! Образно говоря, конечно.

– Наша с Летисией свадьба была делом решенным еще много лет назад, – негромко начал Джестер. Он опять опустился в кресло, вглядываясь в меня с каким-то напряженным вниманием. – Наши отцы... э-э-э... не ладили. Мягко говоря. Вообще, отношения между нашими двумя родами многие годы оставались весьма напряженными и сложными. Сам король устал от постоянных склок и выступил своего рода миротворцем. Во все времена договорные браки были самым простым и надежным способом завершить вражду между какими-либо семействами. В этот раз тоже решили не выдумывать нового. Поэтому помолвка была заключена, когда мне исполнилось пять лет, а Летисия отпраздновала первый год рождения.

Когти дурного предчувствия немного разжались, перестав терзать мое несчастное сердце. Так, начало звучит ободряюще. Значит, брак был навязан Джестеру.

– Как нетрудно посчитать, разница в возрасте между нами составляла четыре года, – продолжал тем временем Джестер. – Свадьбу сыграли, когда Летисия вошла в брачный возраст. В нашем мире это семнадцать лет. Мне было двадцать один.

После чего устоялся отсутствующим взглядом куда-то поверх моей головы. На острых скулах Джестера затеплились неровные пятна румянца, доказывающие, что он сильно волнуется.

– Интуиция подсказывает, что долго и счастливо вместе вы не жили, – осторожно заметила я, когда пауза слишком затянулась.

– Мы вообще не жили вместе, – сказал Джестер. – Видишь ли, Летисия – хорошая девушка. Действительно очень хорошая. Славная, добрая и красивая. Я всерьез считал, что мне повезло, и договорный брак обернется самой большой удачей в моей жизни. Верил, что я буду счастлив вместе с ней до конца дней своих. Но...

Дернул кадыком, как будто какое-то слово встало ему поперек горла. Наклонился, выхватил из моих рук бокал и первым же глотком почти осушил его.

– Наша свадьба прошла неплохо, – глухо проговорил он, рассеянно вертя между пальцев опустевший фужер. – По нашим традициям лицо новобрачной скрывается за густой вуалью. Новоиспеченному супругу дозволено откинуть ее лишь после завершения празднества, когда все гости разойдутся.

– Не очень осмотрительная традиция, – все же не удержалась я от резонного замечания. – Эдак нарвешься на предприимчивую и смелую невесту, которая сбежит из-под венца, недовольная выбором родителей, а вместо себя какую-нибудь страхолюдину подсунет. И никуда ты не денешь-

ся.

Джестер удивленно вскинул брови, как будто такая мысль не приходила ему прежде в голову.

– Чем дольше я с тобой общаюсь – тем чаще задумываюсь о выгодах положения женщин в нашем мире, – после недолгой паузы проговорил он. – По крайней мере, на моей памяти таких вопиющих случаев не было.

– Все когда-нибудь случается впервые, – фыркнула я.

Джестер еще выше поднял брови. Подумал немного, затем отрицательно мотнул головой.

– Нет, это крайне маловероятно, – задумчиво протянул он. – В подготовке торжества участвуют представительницы со стороны жениха. Обычно мать или старшие сестры. Именно они наряжают невесту.

– Ага, стало быть, кого-то когда-то все-таки провели за нос, – довольно заключила я. – Иначе к чему такие сложности?

– Возможно, – не стал спорить со мной Джестер. – Так или иначе, но наш свадебный ритуал был проведен по всем правилам. Неприятности начались позже.

С сомнением посмотрел на бокал в руках и опять встал. Подошел к столику, но на сей раз взял в руки непечатую бутылку вина, которая стояла там с момента моего вселения в эти покои. Ловким ударом по донышку выбил пробку, после чего разлил кроваво-красный напиток уже по двум фужерам, один из которых преподнес мне.

Я не стала отказываться. Чувствую, история выдастся сложной. Как любил говаривать Вадим в ситуациях, когда я заводи́ла с ним непростые разговоры про наше житие-бытие – без ста грамм не разберешься.

– Неужели невеста оказалась не невинной? – спросила я, не торопясь пригубить бокал.

– Когда я вошел в нашу комнату, где было приготовлено брачное ложе, то застал Летисию в слезах, – хмуро ответил Джестер. – В руках она держала столовый нож, который умыкнула со стола. Она прижимала его к груди и твердила, что если я подойду к ней – то она покончит с собой.

– Ого! – Я восхищенно вздохнула. – Смелая девушка. Как понимаю, она-то как раз была не в восторге от твоей кандидатуры в качестве мужа.

Джестер нахмурился, видимо, недовольный моим язвительным тоном. Задумчиво взболтал бокал и поднес его к глазам, глядя на меня через кроваво-красные переливы содержимого.

– Я инквизитор, Лариса, – зачем-то напомнил он. – И владею магией внушения. Мне не составило труда успокоить Летисию. Естественно, брать ее силой я не собирался. Я просто хотел узнать причины ее столь непонятного поведения.

– И-и? – вопросительно протянула я. – И что же это значило?

Джестер вместо ответа сделал круг по комнате. Сначала остановился напротив окна и долго стоял там, вглядываясь

в синий вечерний сумрак. Легким движением руки я пробу-дила хрустальную сферу. Та взмыла под потолок, и в ее глу-бине забился лепесток колдовского пламени. Его отблески неровно ложились на лицо моего собеседника, подчеркивая тени под глазами и острые скулы. Да, за те дни, что я не ви-дела Джестера, он осунулся. И осунулся сильно, хотя и до того не мог похвастаться лишним весом. Любопытно, поче-му? Неужели так усердно размышлял о моем будущем, что потерял покой, сон и аппетит?

– Летисия была влюблена в другого, – наконец, сказал Джестер, не торопясь обернуться ко мне. – Его звали Тим-бер. Сын их дворецкого. Все детство они провели вместе. Родители не видели в этом ничего дурного. Видимо, думали, что их благочестивая и хорошо воспитанная дочь никогда в жизни не посмотрит на человека, который настолько ниже ее по социальному статусу. Но, как понимаешь, ошибались.

– Молоденькие девушки вообще крайне редко прислуши-ваются к доводам разума, – проговорила я, пытаясь хоть немного утешить Джестера. Было видно, что эта история все еще отзывается болью в его сердце.

Получается, он был влюблен в Летисию. Иначе не хранил бы обиду в сердце столько лет.

– Мне было крайне неприятно это слышать, – продол-жил тем временем Джестер. Вздохнул и повернулся ко мне, с непонятым вызовом скрестив на груди руки. Добавил негромко: – Я... Мне нравилась Летисия. Очень нравилась.

Ну вот, что и требовалось доказать. Бедняга и впрямь был влюблен в эту вертихвостку. Наверняка радовался, что брак по расчету, столь привычный для этого мира, в итоге обернется союзом по любви.

— И что было дальше? — осторожно поинтересовалась я. — Ты рассказал обо все родителям?

— Нет. — Джестер гневно блеснул на меня глазами. — Конечно, нет! Я знал, какой в итоге разразится скандал. Летисию бы уpekли в лечебницу для душевнобольных. Залечили бы ее или до смерти, или до состояния полного умственного отупения. Я не желал ей такой судьбы. Как я уже сказал, она мне сильно нравилась. И я желал ей только добра. Да, мне было неприятно осознавать, что Летисия меня не любит. Я бы мог, конечно, принудить ее к исполнению супружеских обязанностей. Естественно, не силой — магией. Мог бы даже внушить ей, что она сама того хочет. Но я не настолько жестокий человек. И поэтому мы заключили с ней своего рода договор. Я покупаю ей дом в Мефолде. Она живет там некоторое время. А потом время рассудит.

Я с невольной завистью вздохнула. Ну и молодец же эта Летисия! Как отлично в жизни устроилась — прям идеальная история для любого женского форума. Нелюбимый муж платит по всем счетам, при этом живет отдельно, дабы, так сказать, глаза не мозолить и не раздражать своим видом. Не удивлюсь, если этого Тимбера она еще и в дом взяла. Как дворецкого.

– Основным моим условием было – никаких детей, – добавил Джестер. – Я сразу сказал, что не дам свою фамилию чужому ребенку. Как ты знаешь, в нашем мире легко можно определить отцовство при помощи магии. И в этом случае я бы не побоялся устроить публичное разбирательство, которое в итоге вылилось бы огромным позором не только для нее, но и для всей ее семьи. Летисия вняла моему предупреждению, поскольку с того нашего разговора прошло пятнадцать лет. И ребенка она так и не родила.

Ага, стало быть, Джестеру тридцать шесть. Ну что же, его терпению можно только позавидовать. Столько лет содержать, по сути, абсолютно чужую женщину, не получая взамен ровным счетом ничего.

– Если честно, звучит все невероятно. – Я недоверчиво усмехнулась. – То есть, пятнадцать лет ты женат. При этом жена открыто живет с другим мужчиной, а ты даешь ей деньги.

– Летисия давно рассталась с Тимбером, – возразил Джестер. – Ты умная и взрослая женщина, Лариса. Прекрасно знаешь, что ранняя любовь ярка и эмоциональна, но долго не живет. По сути, их отношения продлились не большим года, после чего Тимбер нашел себе новое место работы. К слову, после этого состоялся наш новый разговор по душам. И Летисия более чем откровенно дала понять, что переосмыслила свое поведение. Мол, будет счастлива войти в мой дом на правах полноправной хозяйки. И никогда больше не по-

смотрит на сторону.

— Тогда я совсем не понимаю! — Я обескураженно всплеснула руками. — Если соперник устранился — то что тебе мешало построить семейное счастье?

— Что мешало? — Джестер печально усмехнулся. — Наверное, уязвленные самолюбие и гордость. Я заставил себя разлюбить Летисию. Да, это было тяжело и болезненно. Но, поверь, даже останься мы последними людьми на этом свете — и то я бы держался от нее как можно дальше. — Кашлянул и добавил после короткой паузы: — Я не верю предателям, Лариса. предавший раз — предаст и дважды. Вопрос только во времени. Жить, как на бочке с драконьем пламенем, — не для меня. Эдак с ума сойдешь от постоянных подозрений.

Я поморщилась от бескомпромиссного тона Джестера.

Хоть убей, я не считала неведомую мне Летисию предательницей. Бедная девочка! Каково это — с самого раннего детства знать, что твоя судьба predetermined заранее. Может быть, ей Джестер вообще не нравился. Почему-то я сомневаюсь, что они часто виделись до самой свадьбы. Даже мне, тридцатилетней женщине, уже испытавшей на себе все тяготы неудачного брака, пусть и заключенного по любви, было не очень приятно оказаться вдруг во втором браке. А ведь Петер и красив, и состоятелен, пусть и не очень напорист и решителен. Словом — одни плюсы, особенно на фоне Вадима. И то я думала, как бы побыстрее смотаться от такого навязанного счастья. В юности же кровь кипит от гормонов.

Неудивительно, что Летисия взбрыкнула. Назло всему свету влюбилась в совершенно не подходящего для нее парня. И еще имела отвагу признаться во всем мужу в первую брачную ночь. Она ведь отлично осознавала, какие проблемы ей это может принести. Так и хочется воскликнуть в полный голос: «Долой угнетение женщин!»

«Спокойнее, Лариса, – буркнул внутренний голос. – Или революцию вздумала устроить? Не забывай, что сила женщины – не в лозунгах и протестах. Сила женщины – в умении оборачивать любую ситуацию в свою пользу».

– Но при этом Летисия осталась у тебя на содержании, – скептически напомнила я, решив попридержать эмоции при себе.

– Я бы не сказал, что это было обременительно для меня. – Джестер пожал плечами. – Наш род всегда считался одним из богатейших в Орленде. Азартными играми я не увлекаюсь, выпивка и драгоценности тоже не трогают мое сердце. По сути, все эти деньги лежат мертвым грузом в королевском банке. Процентов вполне хватает на безбедное существование. Как мое, так и Летисии.

– Ну хорошо, а как к подобному положению дел отнеслись твои и ее родители? – продолжила я недоумевать. – Обычно в ближайшей перспективе любого брака стоит желание продолжить род. А ты, по сути, отказался от этого, а заодно перечеркнул мечты Летисии стать матерью.

– А что, я должен был благословить ее на рождение де-

тей, которые стали бы моими наследниками? – огрызнулся Джестер. – Лариса, я понимаю, что в твоём мире другие правила. Но живу-то я в своём! И воспитан по нормам своего! Так вот, я считал, считаю и буду считать, что мой поступок был не просто справедливым, но благородным. Любой другой мужчина на моём месте немедленно расторгнул бы брак, во всеуслышание объявив о причинах данного поступка. И даже доказывать внебрачную связь не пришлось бы. Летисия не была невинной на момент первой брачной ночи.

– А простынь со следами крови у вас не принято показывать на следующее утро всем гостям? – невинно любопытствовала я.

– Представь себе – принято, – раздраженно фыркнул Джестер. – Мне пришлось порезать себе руку, чтобы эта традиция была соблюдена.

Я открыла было рот, желая как-нибудь съязвить по этому поводу. И тут же закрыла его обратно, так и не в силах облечь в слова свое мнение. Все-таки, на мой взгляд, поступок Джестера был...

Ну нет, не неправильным, конечно. Даже в нашем мире мало какой мужчина пошел бы на такой шаг.

Хотя не думаю, что Джестер так уж страдал во всей истории. Желание родителей он уважил, женой обзавелся. Она жила тихо-мирно отдельно от него. Чует моя селезенка, Джестер вряд ли утруждал себя соблюдением супружеской верности. На девственника он никак не тянет. Просто умело

скрывал свои похождения, чтобы со стороны общества к нему не было никаких претензий.

А впрочем, мне уже было сообщено, что к мужским изменам в этом мире относятся гораздо лояльнее, чем к женским. И сообщил об этом, между прочим, как раз Джестер.

Однако мне почему-то было жаль Летисию. Тяжело, наверное, осознавать, что твой муж презирает тебя. Более того, и материнское счастье тебе не светит, потому что в противном случае весь твой род будет опозорен. Она всего на пару лет старше меня. Нет, чтобы начать жизнь с нового листа, разорвать отношения с нелюбящим тебя супругом и постараться найти другого достойного мужчину. Но вместо этого вынуждена расплачиваться за ошибку юности.

– Так что с мнением ваших родителей? – вернулась я к тому вопросу, который Джестер предпочел проигнорировать. – Как они отнеслись к тому, что новобрачные сразу после свадьбы разъехались по разным домам и больше не встречались?

– Ну а как ты думаешь? – невежливо вопросом на вопрос ответил Джестер. – Родители Летисии, как ни странно, восприняли наш разъезд по разным домам спокойно. Полагаю, они знали о романе их милой дочке, но надеялись, что я на правах мужа вправлю ей мозги. Главное, что я не стал поднимать скандала. Правда, когда я отказал Летисии во внезапно появившемся желании стать примерной матерью семейства, то имел непростой разговор с ее отцом. Этан Гург – хитрый

старый проныра. Он долго ходил вокруг да около. Сыпал разными метафорами и иносказаниями. Когда мне надоело выслушивать очередную байку про всепрощение – то я четко сказал, что будет так, как было. Летисия никогда не войдет на правах полноправной хозяйки в мой дом.

Такая сталь прозвучала в последней фразе Джестера, что я поежилась. Ого! А его и впрямь сильно задела та старая история, пусть и прошло уже пятнадцать лет. До сих пор обида на неверную невесту не улеглась.

– Мои родители... – Джестер запнулся и отошел к столику с напитками. Поставил на него опустевший бокал, затем потянулся было к бутылке, но в последний момент передумал. Несколько раз сжал и разжал кулак, после чего сдавленно проговорил: – Увы, почти сразу после моей свадьбы отец погиб при невыясненных обстоятельствах. Мать очень болезненно перенесла эту трагедию. Сразу после этого она предпочла удалиться от мирской суеты в один удаленный горный монастырь, где тихо и мирно скончалась на годовщину смерти моего отца.

– О, мне очень жаль, – протянула я.

– Да, мне тоже. – Джестер уставился отстраненным взглядом над моей головой. Пару минут молчал, как будто раздумывал о чем-то.

Я не торопилась прервать паузу. Надо было обдумать услышанное.

Н-да, попала я так попала. От мужа-алкоголика в своем

мире с трудом избавилась, добившись развода. От красавчика-мужа в этом мире меня выкрал Джестер, умело разыграв мою гибель. Но вот только зачем ему это понадобилось? Как выясняется, он не свободен. И об расторжении брака в этом случае речь не идет, насколько я понимаю.

Не хочу я быть содержанкой! А ведь иного, как я понимаю, Джестер и не может мне предложить.

«Уж лучше тебе было остаться хозяйкой в замке Петера Теоля, – чуть слышно шепнул внутренний голос. – Подумаешь, не влюбилась ты в него с первого взгляда. Зато он-то влюбился! По крайней мере, в этой паре ты бы точно была главной».

– Если с Летисией ты не живешь, то откуда тогда в твоём доме столько женских платьев? – набравшись решимости, все-таки спросила я.

– Думаешь, что у меня целый хоровод любовниц? – опять вопросом на вопрос ответил Джестер.

Ох, как же меня раздражает его манера разговаривать! Удивительно, что он вообще решился на все эти откровения о своем неудачном браке. Обычно любой вопрос умудряется перевернуть против тебя же.

– А что я еще могу подумать? – вернула ему я той же монетой. – Согласись, выглядит все это странно.

– Ну... – Джестер дернул кадыком и опять покосился на бутылку вина. Почти сразу раздраженно мотнул головой и отошел от столика, видимо, пытаясь избежать таким образом

соблазна выпить. Нарочито спокойно сказал: – Видишь ли, отец Летисии просил меня об одной услуге. Раз в год мы созываем большой прием по поводу празднования годовщины нашей свадьбы. На это торжество приглашается весь высший свет Мефолда. Было бы странно, если бы Летисия приезжала на прием из другого дома. Поэтому некоторое время – не больше недели, а зачастую, гораздо меньше – она проводит здесь.

Ничего себе! Вот это поворот!

Я с сомнением покосилась на алое шелковое платье, которое барон Гейб назвал вызывающим. А у этой Летисии фигурка, судя по всему, очень даже ничего. Почему-то я думала, что жена Джестера – бедная отшельница. Нарисовала в своем воображении чуть ли не монашку, вынужденную расплачиваться за грехи молодости.

– Было бы странно, если бы Летисия ради нескольких дней в году таскалась ко мне с кучей нарядов, – добавил Джестер. – Поэтому какую-то часть своего гардероба она оставила здесь.

– У твоей жены хороший вкус, – осторожно проговорила я.

– О да. – Джестер усмехнулся одними краешками рта. – По-моему, она еще не оставила надежды смягчить мое суровое сердце и все-таки стать моей настоящей женой. Поэтому обычно в течение этой недели в ход идут самые изысканные и волнующие наряды.

– Очень интересно, – коротко резюмировала я.

Наконец-то встала с кровати и принялась нервно расхаживать по комнате, силясь уложить в голове все факты.

Но Джестер, по всей видимости, решил окончательно добить меня своими откровениями. Потому что неожиданно откашлялся и как нечто само собой разумеющееся объявил:

– Кстати, следующее торжество уже через пару дней.

Я чуть не оступилась от такого известия. Круто развернулась к Джестеру на каблуках и вопросительно заломила бровь.

– Собственно, все эти дни я был занят подготовкой к приему, – каким-то оправдывающимся тоном сказал он. – Знаешь, это непростое дело. Составить и утвердить меню, список гостей... Особенно с последним беда настоящая, учитывая, сколь многим личностям в Орленде я перешел в свое время дорогу.

– Мои искренние сочувствия, – ядовитым тоном произнесла я. – Но, помнится, ты утверждал, что в твоём доме никогда не бывает гостей.

– Почти никогда, – спокойно уточнил Джестер, как будто не заметив, насколько я раздражена в этот момент. – Право слово, этот праздник – такая мелочь! Он пролетит так быстро, что ты и не заметишь его.

Я уставилась на него исподлобья. Прямо новости сегодня – одна другой замечательнее. Мало того, что этот невыносимый белобрысый тип, так нагло выкравший меня из замка

рода Теоль, оказался женат без всякой надежды на развод, так еще и в скором времени, оказывается, меня ждет явление его законной супруги.

Представляю эту картину! Заходит Летисия в комнату – а тут я сижу. В ее платье, между прочим. И как ей прикажете представиться? Хотя нет, эту нелегкую задачу обязан взять на себя Джестер. Но все мое богатое воображение спасовало в этот момент. Какой диалог между нами получится? Мол, здравствуй, дорогая, это – Лариса. Тьфу ты, то есть, Амелия Торн, никак не могу привыкнуть к придуманному Джестером для меня имени. И она пока поживет у меня.

А ведь Джестер и впрямь на подобное способен. Я так зримо услышала в этот момент его суховатый голос с язвительными нотками, что невольно передернула плечами. Ну уж нет! Ни за что я не буду участвовать в подобном!

– И? – протянула я, осознав, что Джестер не торопится продолжать.

– Что – «и»? – переспросил он, безмятежно улыбнувшись.

Я мысленно сосчитала до десяти, пытаюсь справиться с раздражением. Эх, встретить мне Лию, ходящую между мирами! Как много нового о себе она бы узнала! За что, ну за что мне все эти напасти? Только впереди замаячила надежда на спокойную размеренную жизнь, как меня самым бесцеремонным образом засунули в крутой водоворот событий. И еще этот тип на мою голову навязался.

– Как ты собираешься объяснить Летисии мое присут-

ствие в твоём доме? – подчеркнуто спокойно спросила я. – Тебе не кажется, что у твоей жены и многочисленных гостей обязательно возникнут определенные вопросы?

– Не кажется. – Джестер покачал головой. – Я в этом абсолютно уверен.

– И? – опять повторила я, силясь не сорваться на крик.

– Не беспокойся, Лариса, все будет хорошо. – Джестер подарил мне очередную чарующую улыбку. – Поверь мне, я знаю, что делаю.

– И все-таки я бы хотела ясности в этом вопросе, – не унималась я. – Как ты меня представишь остальным? Как твою служанку? Как внезапно объявившуюся родственницу? Или, быть может, как твою любовницу?

– Не забивай себе голову всякими пустяками. – Джестер негромко рассмеялся, как будто мои вопросы его чем-то позабавили. – Все будет хорошо.

– А вот я почему-то совершенно в этом не уверена, – огрызнулась я. – Какие еще скелеты спрятаны в твоих шкафах, Джестер? Наличие жены ты от меня скрыл.

– Ты не спрашивала. – Джестер пожал плечами, словно не понимая причин моего недовольствия.

– Вообще-то, о подобном необходимо предупреждать! – Я гневно притопнула ногой. – Потому что...

И запнулась, в последний момент чудом не дав сорваться с языка признанию в любви.

Если честно, я чувствовала себя обманутой. Да, Джестер

не обещал мне счастливой совместной жизни. Демоны, да он вообще мне ничего не обещал! Но почему-то я поверила, что небезразлична ему. Все-таки ради меня он пошел на преступление. А теперь все повернулось совершенно диким образом.

И что мне ждать дальше?

В следующее мгновение Джестер вдруг оказался около меня. Его движение было настолько стремительным, что я едва не отшатнулась в испуге. Только что он стоял на расстоянии нескольких шагов от меня – и неожиданно я обнаружила, что его руки опустились на мою талию.

Серые глаза инквизитора смотрели прямо и без насмешки, обычно таящейся на дне его зрачков. Мое сердце привычно рухнуло в пятки от ощущения теплого дыхания на моих губах.

– Все будет хорошо, Лариса, – негромко, но с нажимом проговорил он еще раз. – Просто верь мне.

– Да, но... – начала было я, однако не договорила.

Джестер поцеловал меня, и все тревожные мысли мгновенно вылетели из моей головы, которая стала непривычно пустой и счастливой. Даже опасливый внутренний голос замолчал.

Я обвила шею мужчины руками. Прильнула было к нему, но он удивительно ловко выскользнул из моих объятий. В последний раз ласково чмокнул в кончик носа – и ушел, не забыв запереть за собой дверь.

Глава вторая

– Да, Лариса, ты знатно опростоволосилась.

Я лежала на кровати и мрачно смотрела в потолок, стараясь не вслушиваться в надоедливый язвительный шепоток барона Гейба.

Естественно, призрак присутствовал при моем разговоре с инквизитором. И, естественно, не сумел удержаться от искушения позубоскалить над всей этой ситуацией.

– А я ведь говорил тебе, что Петер – более чем достойная партия для тебя, – не унимался барон. – Но нет. Видите ли, не слишком решительный. Ну вот, связалась на свою беду с решительным. И что?

– Вы так говорите, барон, как будто у меня был какой-то выбор, – не выдержав, огрызнулась я, по-прежнему таращась в темный потолок. – Смею напомнить, что Джестер особо не спрашивал моего желания. Просто взял – и выкрал меня у вашего сына, мастерски разыграв историю с моей мнимой гибелью. Я темная ведьма. А он инквизитор. Если бы я осталась с вашим сыном, то рано или поздно меня ожидала бы смерть на костре, потому что, как выяснилось, блокировке мой дар не поддается.

В комнате что-то зашуршало. Но, хвала небу, барон не продолжил спора. Видимо, не нашел, чем можно возразить.

После ухода Джестера прошло уже несколько часов. Су-
ровая Энни проводила меня на ужин в обеденный зал, затем
под ее конвоем я вернулась в комнату. При этом служанка не
проронила ни слова, хотя я попыталась ее разговорить. Даже
попросила прощения за попытку ментально воздействовать
на нее.

После горячей ванны я предприняла очередную попыт-
ку вчитаться в какую-нибудь книжку из любезно предложен-
ной библиотеки. Но на очередном морализаторском диалоге
главной героини, где она рассуждала об основополагающих
достоинствах женщины, не выдержала и запустила ее в сте-
ну. Фу, гадость какая! Прямо чувствую, как мои мозги пле-
сенью покрываются.

И вот теперь я безуспешно пыталась уснуть, хотя кровь в
жилах еще бурлила от возмущения после разговора с Дже-
стером.

Ишь ты, женат он! И собирается познакомить меня со сво-
ей женой! Какая-то неправильная у меня история любви по-
лучается.

– Лариса, а можно тебя спросить? – внезапно поинтересо-
вался барон Гейб.

– Ну? – хмуро буркнула я, гадая, с чего вдруг призрак так
вежливо заговорил.

– Не подумай, что я подслушивал твой разговор с Джесте-
ром, – смущенно забормотал Гейб. – Но... Ты сама понима-
ешь, даже против своей воли я вынужден быть в курсе всего,

что происходит с тобой...

– А нельзя ли поближе к делу? – перебила его я. – Что именно вас заинтересовало в нашем разговоре.

– В общем-то, две вещи, – после короткой паузы признался Гейб. – Джестер назвал имя отца своей жены. Этан Гург, если ты забыла.

Я приглушенно ахнула. Демоны, а ведь и впрямь! В запале я как-то пропустила мимо ушей это имя. Но я его уже слышала раньше. Это же верховный инквизитор Орленда. Помнится, Джестер особенно опасался, что этот самый Этан захочет в подробностях расследовать дело о гибели молодой темной ведьмы. Даже тело какой-то несчастной в фамильный склеп рода Теоль притащил, чтобы, так сказать, к его истории и комар носа не подточил.

Это что же получается? Тесть Джестера – самый главный инквизитор в этой стране. Наверняка он очень недоволен, что строптивый зять не собирается принять в любящие объятия гульнувшую в юности супругу и уж тем более не торопится обрадовать его долгожданными внуками. И наверняка он будет присутствовать на семейном торжестве, посвященном так называемой годовщине бракосочетания.

Ох, голова кругом! Если этот Этан Гург настолько пронзительный и подозрительный тип, как его описывал Джестер, то мне точно лучше не показываться ему на глаза.

– Вот и я о том же, – печально проговорил Гейб, без лишних слов поняв причину, по которой приглушенное руга-

тельство сорвалось с моих уст. — Что за игру ведет Джестер?

Пожалуй, этот вопрос занимал меня больше всего остального. По-моему, он просто собирается кинуть меня на растерзание диким зверям. Образно выражаясь, конечно. Но по сути итог будет един. Меня разоблачат и казнят.

— Ничего не понимаю! — чуть слышно проговорила я. — Но зачем Джестеру все это? Если бы он хотел избавиться от меня — то просто не затевал бы всю эту канитель с моим похищением. Один факт наличия дара к ментальной магии подписывает мне смертный приговор.

Барон уныло вздохнул. В самом дальнем углу комнаты неярко мерцало едва заметное облачко, показывающее его месторасположение.

— Ну хорошо, а какая вторая вещь вас заинтересовала? — спросила я, осознав, что еще долго могу ломать голову, силясь разгадать резоны Джестера, но все равно потерплю в этом сокрушительное поражение.

— В вашем разговоре ты обронила интересную фразу, — сказал Гейб. — А именно, ты спросила у Джестера, какие еще скелеты хранятся в его шкафах.

— Ну да, — подтвердила я, немного удивившись. — Это расхожее выражение в нашем мире. Мол, у каждой семьи есть какие-то тайны, которые не принято выносить на суд обществу.

— Да я знаю, что это значит. — В голосе призрака послышалась усмешка. — Правда, у нас принято спрашивать, ка-

кие еще покойники захоронены в фамильных склепах. Я про другое. Лариса, а ты ничего странного не ощущаешь в этом доме?

– В смысле? – переспросила я, сдвинув брови. Хмыкнув, добавила: – Если честно, мне тут все странно. Особенно эта Энни. Не женщина, а настоящее умертвие ходячее. Интересно, у нее сердце-то хоть есть? Ничем не проймешь.

– Я про другое. – Облачко замерцало сильнее, видимо, барон Гейб внезапно заволновался. – У тебя темный дар. Ты умеешь видеть мертвых и разговариваешь с ними. И я тому лишнее подтверждение. Неужели ты ничего не чувствуешь?

Я озадаченно кашлянула. То бишь, барон Гейб намекает на то, что в доме есть какие-то призраки? Помимо него, понятное дело.

Вообще-то, это вполне вероятно. Дом Джестера выглядит достаточно старым строением. Несколько десятков лет ему точно есть. Тем более он сам обмолвился, что его родители умерли, правда, не уточнил, где именно это произошло. Вполне вероятно, что и здесь.

Хм-м... Даже не знаю, страшит ли меня эта мысль или радует. Еще призрака потенциальной свекрови мне не хватало для полноты счастья. А с другой стороны – я была бы даже не прочь познакомиться с неупокоенной душой матери Джестера. Полагаю, она бы могла много интересного рассказать о характере своего несносного сынка. И потом, я сильно сомневаюсь, что она одобрит его поведение.

Главное, чтобы войны призраков около меня не случилось.

– Если честно, я ничего не чувствую, – после долгой паузы призналась я.

– А вот я чувствую, – проговорил барон Гейб. – Но это и понятно. Я призрак. Я уже нахожусь в мире теней. Поэтому любое блокирующее заклинание действует на меня слабее, чем на людей.

– Блокирующее заклинание? – заинтересовалась я. – То есть, тут есть какие-то заклинания?

Тут же осеклась, вспомнив, как мне было больно, когда я попробовала испробовать на Энни свой дар убеждения.

– Да тут весь дом пропитан колдовством. – Барон Гейб негромко рассмеялся. – По большому счету защитным, конечно. Но помимо стандартных заклятий против подслушивания и использования ментальной магии тут есть и чары, блокирующие грань между мирами. По сути, я могу тут находиться лишь из-за того, что постоянно потребляю твою энергию.

– Что? – воскликнула я, неприятно удивленная таким фактом. – Как это?

– Я думал, что ты в курсе, – обескураженно протянул Гейб. – Лариса, я ведь призрак. Я привязан к месту своей смерти. Но вынужден повсюду сопровождать тебя. Это возможно лишь в случае постоянной энергетической подпитки. Вспомни ритуал, который ты провела под руководством

Джестера. Именно тогда он замкнул наши ауры, так сказать.

Я раздраженно засопела. Час от часу не легче! Теперь оказывается, что из меня постоянно сосут энергию. Прямо нашли бесплатного донора!

– Не беспокойся, Джестер сделал так, чтобы этот обмен был как можно незаметнее и необременительнее для тебя, – постарался успокоить меня Гейб.

– Чем лучше я узнаю этого инквизитора – тем больше мне хочется смыться от него куда подальше и никогда больше не встречаться, – мрачно призналась я. – На редкость неприятный тип.

– Но, между тем, он тебе нравится, – не преминул уколоть меня Гейб. – Впрочем, в этом нет твоей вины. Женщины вообще почему-то чаще всего влюбляются не в положительных и надежных мужчин, а вот в таких, как Джестер. Вспомнить хотя бы Петера...

– Достаточно, – перебила его я. – Право слово, барон, хватит! Я понимаю, что вы расстроены тем, что я так и не стала примерной женой для вашего сына. Но если вы повторите это в сто первый раз – ничего не изменится.

Барон Гейб обиженно засопел, но набившую оскомину тему продолжать не стал.

– Так что там с покойниками в этом доме? – спросила я.

– Да, собственно, я уже все сказал, – проговорил Гейб. – Я не единственная неупокоенная душа в этом доме, Лариса. И, полагаю, ты со своим даром могла бы познакомиться и с

другими потусторонними жителями этого места.

Я нахмурилась и села, резко откинув одеяло.

Очень заманчивая идея, если кстати! Как я уже говорила, призраки – идеальные шпионы. Барона Гейба Джестер запугал, поэтому тот наотрез отказывается помогать мне. Но что, если заручиться поддержкой кого-нибудь другого? В конце концов, я просто обязана знать, что задумал Джестер! Влечение влечением, но я не позволю такому низменному чувству, как плотское желание, запудрить себе мозги. И не собираюсь покорно сидеть и ждать, пока Джестер наиграется в роль великого и ужасного вершителя моей судьбы.

– И как это сделать? – спросила сухо. – Вы же сказали, что тут есть блокирующие чары.

– Тот, кто устанавливал эту защиту, вряд ли догадывался, что когда-нибудь в доме на законных правах приглашенного гостя объявится призрак. – В голосе Гейба завибрировала усмешка. – Я не думаю, что вся эта магия, окутывающая дом, – дело рук самого Джестера. Большая часть чар – это влияние очень древних амулетов, спрятанных в стенах дома.

– Предлагаете мне выковырять эти амулеты? – скептически проговорила я. – Боюсь, Джестер вряд ли обрадуется, если я вдруг начну крушить стены или долбить пол.

– Нет, есть другой способ, – проговорил Гейб. – Лариса, как я уже сказал, ты питаешь меня энергией. Джестер постарался сделать так, чтобы я брал как можно меньше ее. Но если этот поток увеличить – то мои способности возрастут

пропорционально. И я смогу разыскать эту заблудшую душу и привести ее к тебе. Пока она не слышит твой зов.

Я соскочила с постели и пару раз прошлась по комнате, шлепая босыми ногами по пушистому ковру.

Другими словами, барон предлагает мне усилить нашу связь. Ох, даже не знаю! А что, если он обманет меня? Если иссушит до дна, когда я сломаю ограничение Джестера?

– Лариса, вряд ли я сумею причинить тебе вред, – вкрадчиво произнес в этот момент Гейб, как будто каким-то образом угадав мои мысли. – Точнее, я не сделаю этого, потому что боюсь гнева Джестера. Если с тобой по моей вине что-нибудь произойдет – то он наверняка сурово покарает меня.

– Он уже обещал сурово покарать вас, если вы будете помогать мне, – скептически напомнила я. – Как-то резко вы забыли об этом.

– Вообще-то, Джестер Курц обещал покарать меня, если я буду следить за ним по твоему наущению, – с усмешкой исправил меня Гейб. – А я даже пределов твоей спальни покидать не намерен. Ритуал возможно провести и здесь.

Я опять заметалась по комнате.

Какая же все-таки соблазнительная идея разузнать побольше о прошлом Джестера! Возможно, я ошибаюсь. Возможно, на мой зов откликнется не мать Джестера или его отец, а кто-нибудь другой.

«Ага, какой-нибудь бедолага слуга, к примеру, который в стародавние времена оступился на лестнице и сломал себе

шею, – фыркнул внутренний голос. – И что ты у него тогда узнаешь, если он этого Джестера только в пеленках видел? Если вообще не умер еще до его появления на свет».

Эх, да что гадать! Надо просто взять – и сделать!

– А вы меня не обманете? – на всякий случай боязливо уточнила я и тут же рассердилась на себя за это.

Ага, так Гейб и признается мне, если на самом деле решил провести меня вокруг пальца!

– Зачем мне это? – спросил Гейб. – Даже если с тобой что-нибудь случится – это не даст моей душе покоя. И, в любом случае, подозреваю, что возможностей Джестера хватит на то, чтобы призвать меня к ответу даже из мира теней. Как-то не хочется испытать на себе силу гнева главного инквизитора Орленда.

Резонно. Но небольшой червячок сомнений все еще продолжал глодать меня.

Эх, да ладно! Где наша не пропадала?

– Что мне надо делать? – сухо спросила я, отбросив колебания.

И барон Гейб заговорил, давая мне указания.

Они, к слову, оказались несложными для исполнения. Через несколько минут я уже сидела напротив зеркала. По обе стороны от серебряной массивной рамы горели две тонкие свечи. Магическую сферу я не стала зажигать. По словам Гейба, неупокоенные души и призраки не любят колдовского пламени. Оно слишком яркое, поэтому пугает их. В по-

лутьме и танце теней призракам намного легче пересекать грань между мирами.

Я прижимала к запястью правой руки тонкое лезвие ножа для разрезания бумаги. Нет, зря я ругалась на Джестера за то, что он подsunул мне для изучения все эти глупые книжонки. Не будь их – наша с Гейбом задумка провалилась бы в самом начале. В самом деле, не зубами ведь себе кожу рвать, чтобы добыть столь необходимой крови.

Любопытно, кстати, почему все ритуалы темной магии, а я не сомневалась, что сейчас мы собираемся заняться как раз таким, базируются на крови? А впрочем, по-моему, я знаю ответ. Помнится, Джестер говорил, что необходимо огромное количество энергии, чтобы пробить брешь между двумя мирами: нашим и теней. А кровь – это как раз квинтэссенция жизненных сил. Недаром вампиры ее литрами потребляют.

Хм-м... Надо бы спросить у Джестера, существуют ли они в этом мире. Если здесь есть магия – то почему бы не быть всяким легендарным существам?

– Ну же, – прошипел за моей спиной Гейб. – Лариса, ты что, уснула?

Я вздрогнула, осознав, что слишком задумалась на посторонние темы. Прижала лезвие посильнее и провела им по коже.

Как ни странно, больно не было. Какой-то миг края пореза оставались чистыми, потом наполнились кровью. Я послушно уставилась в зеркало, ощутив, как к горлу подкатил

ком тошноты.

Не быть мне никогда великой некроманткой! Эдак когда-нибудь в самый разгар ритуала точно в обморок бухнусь.

За моей спиной возникла фигура барона Гейба. Он стоял и молча смотрел на меня через отражение.

Сердце внезапно екнуло от дурного предчувствия. А что, если...

Но додумать страшную мысль о предательстве своего верного спутника я не успела. Очертания призрака пошли рябью, как в старом черно-белом кино. А потом он растворился.

Было тихо. Я слышала лишь треск пламени, которое жадно пожирало фитили свечей, и свое прерывистое испуганное дыхание.

Одно радует: от столь пустякового пореза мне точно не грозит истечь кровью.

Опять накатила дурнота. В затылке внезапно закололо, а перед глазами побелело. Но я продолжала упорно вглядываться в зеркало. Тьма за моей спиной казалась особенно плотной и черной на контрасте с веселым оранжевым огнем свечей.

Понятия не имею, сколько времени прошло. Рука онемела, а кончики пальцев неприятно пощипывало. От напряжения на глазах выступили слезы. И вдруг...

Я растерянно моргнула. Прищурилась, еще усерднее вглядываясь в темноту комнаты.

Нет, совершенно точно я увидела там смутное движение. Как будто кто-то неторопливо прошелся за моей спиной. Правда, звука шагов я так и не услышала.

– Тут есть кто-нибудь? – почему-то сипло спросила я. Откашлялась и продолжила громче, хоть голос и норовил сорваться от испуга: – Если есть – то покажись!

Тихо. Пульс похоронным набатом отдавался в ушах. И вновь позади что-то шевельнулось. Совсем слабо, на самой грани восприятия.

Спина отчаянно зачесалась от чьего-то взгляда. Больше всего на свете мне хотелось вскочить на ноги и резко обернуться, заодно пробудив магическую сферу. Пусть ее яркий свет разгонит мрак в комнате. А то такое чувство, будто в нем скрываются целые полчища чудовищ.

Но невероятным усилием воли я заставила себя успокоиться. Гейб предупреждал меня о том, что далеко не каждая неупокоенная душа сразу же пойдет на контакт. Кто знает, вдруг мне попался какой-нибудь очень стеснительный призрак?

Поэтому я подождала еще несколько минут. Дождалась момента, когда за моей спиной во тьме опять кто-то зашевелился, и нарочито спокойным тоном произнесла:

– Добрый вечер. Меня зовут... – запнулась на миг, но затем решила представиться все-таки тем именем, которое для меня выбрал Джестер: – Меня зовут Амелия Торн.

Из темноты донесся едва слышный вздох, и я внутренне

возликовала. Ага, потихоньку-полегоньку, но контакт налаживается.

– А как вас зовут? – поинтересовалась, до рези в глазах вглядываясь в отражение.

Зуд между лопатками усилился многократно. Моей шее коснулось ледяное дуновение ветерка, и малейшие волоски на моем теле встали дыбом.

Интересно, а призраки могут причинить вред человеку? Барон Гейб не проявлял ко мне никакой агрессии, но шкаф с книгами он обрушил, когда Джестер его разозлил. То есть, скинуть кому-нибудь на голову что-нибудь тяжелое он точно сумеет, если его вывести из себя.

Но барон Гейб, как я думаю, и при жизни был достаточно спокойным человеком. Вон, об его сомнениях в отцовстве, вполне обоснованных, кстати, которые в дальнейшем полностью подтвердились, никто из домочадцев и не подозревал. А ведь мог бы ежедневно устраивать скандалы жене и требовать ответа, кто настоящий отец Петера.

Но что, если в этот раз мне так не повезет? Если в результате ритуала на мой зов откликнется какой-нибудь очень злой и раздраженный призрак? Ох, как бы мне не пришлось пожалеть о своем поступке!

– Ну что же вы молчите? – прощепетала я, постаравшись отбросить дурные предчувствия. – Давайте познакомимся!

– Флексия, – разобрала я в очередном вздохе.

Так, значит, ко мне в гости пожаловала женщина. Неуже-

ли и впрямь мать Джестера отозвалась? Это было бы весьма занятно!

– Не бойтесь, подойдите ближе, – продолжала увещевать я стеснительного призрака. – Я хочу вас увидеть.

– Ой, я стесняюсь, – уже громче и увереннее прозвучало в ответ. – Я... Я немного не готова.

Я кашлянула, силясь скрыть смехок. О, как это мило! Женщины даже в ином мире остаются женщинами.

– Ничего страшного, – заверила я. – Я тоже не в праздничном наряде, а в ночной сорочке.

В темноте что-то зашуршало. А затем я увидела за своим плечом длинную полупрозрачную женскую фигуру. Моя ночная гостья оказалась высокой и худощавой. Я не разбиралась в моде этого мира, но, по-моему, ее платье давно вышло из моды. По крайней мере, нарядов такого фасона я не видела ни на одной женщине.

– Очень приятно, Флексия! – Я так старательно растянула губы в улыбке, что у меня заныли щеки. Лишь бы не спугнуть ее.

– Зачем ты звала меня? – негромко поинтересовалась незнакомка.

Любопытно, сколько ей лет? При всем своем горячем желании я не могла разобрать очертаний ее лица, которое скрывалось за плотной вуалью. Но интуиция подсказывала мне, что гостья очень молода.

И вообще, ее платье больше всего напоминает подвенеч-

ный наряд. Белоснежное, с тонкими кружевами.

– Мне просто захотелось с тобой поболтать, – сказала я. – Я целыми днями одна. Выть от одиночества хочется.

– Да, мне тоже, – печально согласилась со мной Флексия. – Я рада, что ты пригласила меня. Я обитаю в подвале. Там очень холодно и сыро. На верхние этажи меня не пускала неведомая сила. Но высокий седовласый мужчина помог мне преодолеть преграду.

Интересно, а где сам Гейб? Наверное, скрывается, чтобы не вспугнуть девушку. Она кажется очень стеснительной и робкой.

– Флексия, почему ты не обрела покоя? – спросила я напрямую.

Силуэт девушки замерцал, и я встревоженно выпрямилась.

О нет, неужели сейчас она уйдет, испугавшись моей настойчивости? Мягче надо быть, Лариса, мягче. Наверняка ей неприятно вспоминать обстоятельства своей гибели.

– Горе переполняет мое сердце, – негромко прошелестела девушка. – Меня предали в день, который должен был стать самым прекрасным и чудесным в жизни. В день, о котором мечтает любая девушка. В день моей свадьбы.

Ага! Я радостно кивнула, мысленно заплодировав своей догадливости. Стало быть, я не ошиблась. Передо мной действительно неупокоенная душа несчастной невесты.

– Как грустно, – сочувственно протянула я. – Как это про-

изошло?

Призрак опять замерцал, на этот раз сильнее.

– Осторожнее!

Я вздрогнула от неожиданности, услышав Гейба, который зло зашептал прямо мне на ухо.

– Лариса, умерь свой пыл, – продолжил он все так же тихо. – Я с трудом убедил эту Флексию прийти сюда. По-моему, ей лет шестнадцать, не больше. Очень робкая и боязливая.

– Прости, что я так напирала на тебя, – тут же забормотала я извиняющимся тоном. – Но мне кажется это очень несправедливым и жестоким. Смерть – это всегда очень больно. Но гибель в таком юном возрасте и накануне собственной свадьбы... Даже страшно представить, как ты расстроена.

Мерцание прекратилось, и я украдкой перевела дыхание. Впору открывать курсы по общению с мертвыми.

– Счастье переполняло меня в этот день, – пролепетала девушка, нервно комкая в руках край фаты. – Мое сердце было готово разорваться от любви! Я была не в силах поверить такому чуду. Сам Джестер Курц обратил на меня внимание и предложил свою руку и сердце.

От неожиданности я икнула. Так сильно вздрогнула, что пламя свечей опасно затрепетало от резкого движения.

Как это – Джестер Курц?

– Тебе знаком Джестер? – спросила девушка, заметив мою реакцию на это известие.

– Э-э, да, – осторожно протянула я. – Ну так. Встречались

пару раз.

– Он еще жив? – продолжила допытываться обманутая невеста.

– Да в общем-то, на здоровье не жалуется, – честно сказала я. Кашлянула и полюбопытствовала: – А должен?

– Я прокляла своего убийцу перед смертью! – гордо провозгласила Флекция. – Божьи жернова правосудия мелют медленно, но верно. Рано или поздно Джестер ответит за свое преступление! И ответит жестоко!

Естественно, я собиралась как следует расспросить ее о том, что все это значит. Как-то не верится мне, что Джестер – убийца.

«Ага, а еще вчера ты и подумать не могла, что он женат, – язвительно шепнул внутренний голос. – У этого Джестера, оказывается, самые настоящие, а не фигуральные скелеты в шкафах припрятаны».

Но внезапно призрак несчастной девушки вспыхнул разноцветными бликами – и исчез. Огонь свечей зашипел, окунувшись в раскаленный воск, а потом и вовсе погас. Однако темнота не продлилась долго – под потолок уже взмыла магическая сфера.

Я приглушенным восклицанием зажмурилась, почувствовав, как глаза наполнились слезами от столь резкой перемены освещения.

– Ну и что тут происходит? – услышала я гневное от дверей и без проблем узнала голос Джестера. – Лариса, какого

демона ты устроила?

Ох, явился и не запылится! Кажется, у кого-то сейчас будут огромные проблемы. И этот кто-то – я.

Глава третья

– Ты устроила ритуал некромантии. – Джестер раздраженно вышагивал по комнате, словно сбивая каждое слово в мою повинно склоненную голову. – В моем доме! В доме главного инквизитора Орленда.

Я молчала, рассматривая тугую повязку на своем запястье и не смея поднять на Джестера глаз.

Ишь, как кипятится. Ну да ладно. Пусть выплеснет свой гнев – а после и я выложу все свои претензии, коих, к слову, накопилось не меньше, если не больше.

Но надо отдать ему должное: кипятиться и выговаривать свои претензии он начал не сразу. Сначала перевязал мне руку, поинтересовался, хорошо ли я себя чувствую, и лишь после этого принялся ругаться.

– Лариса, ты хоть представляешь, что это значит? – Джестер остановился и тяжело уставился на меня сверху вниз.

Я сочла вопрос риторическим, поэтому предпочла сохранить молчание.

– Просто безумие какое-то! – Джестер, как и следовало ожидать, вновь заговорил. Нет, он не кричал. Впрочем, по моему, за все время нашего знакомства он ни разу и ни на кого не повысил голоса. Вот и сейчас он почти шептал. И, судя по всему, это означало у него крайнюю степень бешен-

ства.

Честное слово, лучше бы кричал! Шипит, словно гигантская змея. Как бы ядом не подавился.

– Да за меньшие проступки людей отправляли на костер! – Джестер не выдержал и притопнул.

Правда, получилось это у него не грозно, а, скорее, забавно. Главный инквизитор Орленда так торопился в мою комнату, что забыл одеться. Ну, то есть, он был не голый, а в халате и в тапочках. И от резкого движения один из них сорвался с ноги и отлетел в сторону.

Я опустила голову еще ниже, пряча в тени волос слабую улыбку.

Наверное, это безрассудство высшей степени. Однако я почему-то совершенно не боялась Джестера. Поорет – поорет, да успокоится. Что, ну что он мне сделает? Не выпорет ведь, в самом деле. А костром меня пугать бессмысленно. Знает, что в случае публичного разбирательства его репутации и карьере придет конец.

– Ты так и будешь молчать? – грозно осведомился Джестер. – Кто дал тебе эту идею? Гейб?

– Ой! – раздался жалобный всхлип из другого конца комнаты.

Призрак моего несостоявшегося свекра предпочитал держаться в нематериализованном виде. Хотя это была лишняя предосторожность. Джестер, несмотря на все свои регалии, не способен видеть мертвых и уж тем более слышать их.

– Нет, не Гейб, – поторопилась я выгородить верного соратника в деле выведения на чистую воду всех грязных тайн главного инквизитора Орленда.

Сомневаюсь, что Джестер накажет меня за эту выходку. Скорее всего, ограничится суровой выволочкой. В самом деле, не в угол же меня ставить. А вот барона Гейба мне заранее жалко. Не хочу заставлять бедолагу страдать.

Джестер вскинул одну бровь, всем своим видом выражая недоверие.

– Ты же знаешь, что я вижу созданий из потустороннего мира, – спокойно проговорила я. Принялась вдохновенно сочинять, глядя на Джестера до омерзения честным взором. – Все то время, что я провела в твоём доме, меня не оставляло чувство, будто рядом кто-то есть. Знаешь, у меня постоянно словно зудело между лопатками от чьего-то взгляда. Но как я ни старалась – я никого не могла увидеть. А сегодня меня осенило. Ты сказал, что на твоём доме установлена защита от ментальных чар. Своего рода предосторожность. И я подумала – а ведь с твоим родом занятий логично будет поставить блокировку и от потусторонних явлений. Следовательно, надо помочь призраку материализоваться. Ну а дальше было совсем все просто. Ты сам рассказывал мне о роли крови в ритуалах некромантии...

– О чем сейчас очень и очень жалею! – оборвал меня Джестер.

В ответ я лишь захлопала ресницами, жалобно уставив-

шись на него снизу вверх.

– Лариса, и не надо строить из себя невинную девицу, – фыркнул тот, но, как ни странно, его голос потеплел. Он уже мягче добавил: – Тебе не идет. Точнее, тебе как раз идет, но я-то знаю, какая ты на самом деле. Поэтому обмануть меня не удастся.

– И все-таки ты не будешь отрицать то, что сам дал мне все необходимые знания, – вкрадчиво проговорила я. – И не моя вина, что я сумела ими воспользоваться. А вообще, говоря откровенно, ты и именно ты виноват в сложившейся ситуации.

– Я?! – искренне изумился Джестер. – Почему это?

– А потому! – с не менее искренним возмущением воскликнула я. – Кто так делает? Сначала запер меня на несколько недель. А потом начал потчевать скудными фактами из своей биографии. Один факт наличия у тебя жены, знаешь ли, о многом говорит. Прямо не человек – а сундук с тайнами, одна другой страшнее. Естественно, я хочу во всем разобраться. А кто бы не хотел на моем месте?

Джестер дернул кадыком, как будто какое-то слово встало ему поперек горла. Но продолжать спор не стал. Вместо этого он вздохнул и устало опустился на краешек кровати, как будто мысленно признав мою правоту. Сгорбился, спрятав лицо в ладонях.

Ага, стало быть, запал иссяк. Ну, теперь настал черед для моих вопросов.

– Кто такая Флексия? – спокойно поинтересовалась я.

Плечи Джестера дрогнули. Он медленно опустил руки и тяжело посмотрел на меня.

– К тебе явилась Флексия? – вопросом на вопрос ответил он.

– Да. – Я кивнула, поскольку не видела смысла отрицать очевидного. Осторожно добавила, внимательно наблюдая за реакцией Джестера: – Она сказала, что была твоей невестой. И, что самое любопытное, винит тебя в своей смерти.

Лицо Джестера после моих слов окаменело. А следующий его поступок удивил меня до невозможности. Он резко вскочил на ноги. Я испуганно втянула голову в плечи, не понимая, что от него ожидать. Мало ли, вдруг с кулаками кинется. Но он взял – и бросился прочь из комнаты. С такой яростью хлопнул дверью, что с потолка посыпалась белая пыль побелки.

– Ого, – пробормотала я, несколько ошарашенная таким экспрессивным поступком со стороны обычно весьма сдержанного в эмоциях инквизитора.

– Стоит заметить, что ты и мертвого из себя выведешь, – послышалось из дальнего угла.

– А что я такого сказала? – Я удивленно пожала плечами. – Надо же мне разобраться во всей этой чертовщине, точнее, демоновщине, что творится в этом доме.

Барон Гейб язвительно хихикнул, но спорить не стал.

Я с сомнением покосилась на свечные огарки, оставлен-

ные около зеркала. Быть может, вновь призвать дух Флексии? Пусть поведаст свою историю до конца. Но в этот момент дверь опять открылась – и на пороге предстал Джестер.

– Прости, – буркнул он, вновь входя в комнату. – Я... Я немного вышел из себя.

– Да ничего страшного, бывает, – великодушно отозвалась я. Выжидающе кашлянула.

На сей раз Джестеру точно придется дать мне объяснения. Он не может постоянно бегать от ответов. Это просто глупо и смешно.

Джестер, по всей видимости, был того же мнения. Он медленно подошел к зеркалу и уставился на неопровержимые свидетельства недавнего ритуала, которые не успели убрать. Задумчиво тронул подушечкой большого пальца один из огарков – и тот упал. Затем смахнул и второй.

Я наблюдала за его действиями с интересом, но никак их не комментировала. Сдается, в душе Джестера сейчас идет какая-то борьба. Очень и очень непростая, если судить по тому, какая глубокая морщина расколола его переносицу.

– Значит, Флексия винит меня в своей смерти, – наконец, тихо проговорил он.

– Ага, – подтвердила я. – Более того, она утверждает, что прокляла тебя перед смертью, поэтому была удивлена факту твоего нахождения в мире живых.

– Меня? – Джестер нахмурился еще сильнее. – Она прокляла меня?

– Ну, если быть точной в формулировках, то она сказала, что прокляла перед смертью своего убийцу, – сказала я и запнулась.

Ох, а ведь это косвенно свидетельствует как раз о невиновности Джестера! Нет, я не верила в то, что он жестоко расправился со своей невестой. Но все-таки неприятный червячок сомнений глодал мое сердце. Слишком много тайн, как оказалось, скрывал он от меня.

Как говорится, чужая душа – потемки. Но в случае с Джестером справедливее говорить о непролазном дремучем лесу, в котором нечисть скрывается. Поэтому приятно получить лишнее подтверждение тому, что в действительности он не чудовище, умело завлекающее своих жертв к себе в логово.

– Так. – Джестер внезапно скривился, как будто мои слова доставили ему сильнейшую боль. Не подошел даже – подпрыгнул к столику, где с нашего прошлого разговора оставалась початая бутылка вина. И сделал хороший глоток прямо из горла, более не утруждая себя поисками бокала.

Ай-ай-ай!

Я неодобрительно закачала головой при виде этой картины. Прочитать ему, что ли, лекцию про вред алкоголя? Хотя бы напомнить прописную истину: он не решает проблем, а очень быстро становится самой главной из них.

– Прости, – глухо пробормотал Джестер, видимо, уловив мое неудовольствие. Небрежно рукавом халата утер губы, не

обращая внимания на то, что пачкает ткань винными разводами. – Я помню твою историю неудачного замужества и твое отношение к спиртному. Но... Если честно, я даже не представляю, как рассказать тебе про Флексию.

– Трезво, – веско сказала я. – Поверь, на пьяную голову ты точно не сумеешь собраться с мыслями.

– Возможно, ты и права. – Джестер с сомнением посмотрел на бутылку, на дне которой еще плескались остатки вина, и решительно поставил ее на стол. Проговорил, глядя мне в глаза: – Лариса, я понимаю, как чудовищно все выглядит со стороны. Сначала мое признание о том, что я женат. Потом появление Флексии... Но, поверь, всему этому есть рациональное объяснение!

– Очень на это надеюсь, – обронила я и скрестила на груди руки.

– Флексия действительно была моей невестой, – медленно, словно выдавливая каждое слово из пересохшего горла, сказал Джестер. – Она... Она была моей первой любовью. Это дочка Энни.

Даже так. Я мысленно хмыкнула, вспомнив суровую неразговорчивую служанку. Теперь понятно, почему у нее постоянно такое дурное настроение.

Но я была бы не я, если бы не напонила Джестеру кое-что из нашего прошлого разговора.

– Дочка Энни? – язвительно повторила я. – Неужели ты влюбился в девушку, которая настолько ниже тебя по соци-

альному статусу?

А то как-то несправедливо по отношению к Летисии. Нет, я не питала добрых чувств к жене Джестера. Если честно, я вообще никаких чувств к ней не питала, потому что знать ее не знала и видеть не видела. Но меня уже начинало раздражать то, что в этом мире мужчинам было позволено намного больше, чем женщинам.

Эх, Клары Цеткин и Розы Люксембург в этом мире точно не хватает!

– Браво, Лариса. – Джестер горько хмыкнул, уловив мой намек на Летисию. – Ты умеешь бить в самые больные места. Да, я виню Летисию в том, чего в свое время не избежал и сам. Но я оказался смелее, чем моя жена. Я поставил родителей перед фактом. Или они одобряют мой брак с Флексией. Или я навсегда оставляю светское общество и ухожу...

– В монастырь, – невольно вырвалось у меня. – Женский. Ночным сторожем.

– Язва ты, Лариса, – зло прошипел мне на ухо барон Гейб, пока Джестер изумленно хмурил лоб, не поспевая за моим полетом мыслей. – Вот сейчас я даже радуюсь, что твой брак с Петером не состоялся. По крайней мере, ему не придется краснеть за твои высказывания в обществе.

– В монастырь, – после короткой паузы подтвердил Джестер. Чуть порозовел и твердо добавил: – Но не в женский, конечно. И не сторожем. Я собирался посвятить свою жизнь изучению магической науки. Исследовать тайны мирозда-

ния, если так будет понятнее.

Барон Гейб внушительно кашлянул мне на ухо, и я прикусила язык, с которого так и рвалось очередное язвительное высказывание.

Ну что же, похвальное намерение, ничего не скажешь. Все-таки надо отдать должное Джестеру: за свою любовь он готов был бороться и собирался отказаться от многого.

– Но ты говорил, что любил Летисию, поэтому ее измена так больно ударила по тебе, – попыталась поймать я его на слове. – А тут оказывается, что Флексию любил. Неувязка какая-то, любвеобильный ты мой.

Джестер опустил голову. На его скулах вспыхнули яркие пятна румянца, доказывающие, что я попала в самую цель.

Молчание длилось и длилось. Я думала, что Джестер, по своему обыкновению, предпочтет оборвать разговор, который стал слишком опасным. Вот сейчас возьмет – и вновь сбежит, оставив меня мучиться от самых невероятных предположений и догадок. Но утекали секунды тишины, складываясь в минуты, – а он стоял, что-то пристально разглядывая у себя под ногами.

– Это тяжело объяснить, Лариса, – наконец, негромко произнес он. – Флексия – это... Она была моей жизнью. Моим дыханием, моим сердцем. Частью моей души. Я засыпал с мыслью о ней и просыпался с ее именем на устах. Я был словно одержим ею. С первого дня нашей встречи, с первой же минуты, как только увидел ее. Наверное, потому мои ро-

дители и не стали настаивать на браке с Летисией. Ну, то есть, они были крайне недовольны моим решением, но смирились на удивление легко. Наверное, испугались, что я сотворю какое-нибудь безумство, если они будут непреклонны.

У меня было другое объяснение поведению родителей Джестера. Даром я, что ли, столько детективов в свое время перечитала и пересмотрела. Но я пока не торопилась выкладывать свои соображения.

– Потому, наверное, я отнесся к известию об измене Летисии как к предательству, – глухо продолжал тем временем Джестер. – Смерть Флексии ударила по мне настолько больно, что неделю я прометался в забытьи. Не ел, не пил, не спал и не бодрствовал. Словно со стороны видел свое тело, встревоженного целителя около, который щедро осыпал меня исцеляющими чарами и делился энергией. Только благодаря этому, наверное, я и не умер. Мать часами сидела около моей постели. Гладила меня по лбу и волосам, шепотом говорила, что жизнь не заканчивается. Что я обязательно буду счастлив. Что я должен поправиться ради Флексии. Ведь мертвым намного спокойнее в мире теней, когда они знают, что здесь их помнят и любят. И я ухватился за идею свадьбы с Летисией как за спасительную соломинку. Точно знал, что я никогда не обижу ее. Что сделаю самой счастливой в мире, как не сумел сделать Флексию. И назову нашу дочь в ее честь.

Сомнительная идея, говоря откровенно. Правда, по впол-

не понятным причинам я оставила свое мнение при себе. Но если бы мне жених заявил, что собирается назвать нашу дочь в честь погибшей возлюбленной – я бы вряд ли одобрила такой поступок. И это еще мягко сказано.

– Насколько я понимаю, ты решил не тянуть кота за хвост, – скептически проговорила я. – Сколько времени прошло с момента первой свадьбы, закончившейся трагедией, и второй?

– Ты права, – виновато отозвался Джестер. – Всего полгода. Но родители настаивали, а я был слишком слаб после смерти Флексии. У меня не было сил спорить с ними. Я просто плыл по течению. А потом погиб отец. Мать была совершенно раздавлена новой трагедией. Я просто не мог добить ее своеволием. И я... я смирился. Начал готовиться к свадьбе. Заставил себя поверить в то, что в объятиях Летисии забуду Флексию. Однако все вышло совсем по-другому.

Джестер надолго замолчал. Он уставился отсутствующим взглядом куда-то поверх моей головы. Уголки его рта печально скривились, а на лбу опять появились глубокие морщины.

Меня так и подмывало выложить ему свои соображения. По-моему, такая череда смертей выглядит ну очень подозрительно. Флексия сказала, что прокляла своего убийцу. И спустя короткое время после этого погибает отец Джестера. Как тут не заподозрить дурного? Обычно самое простое объяснение является самым верным. Если родители Джестера бы-

ли настолько против свадьбы сына с дочерью служанки, то вполне могли пойти на крайние меры.

— А как погибла твоя невеста? — негромко спросила я. — Она явилась ко мне в свадебном наряде. Неужели это произошло прямо во время торжества?

— Ее отравили, — глухо произнес Джестер. — Как ты понимаешь, мои родители не стали устраивать пышного праздника. Никаких гостей, никакого шумного приема. Только тесный круг ближайших родственников. У нас есть традиция. Перед самым ритуалом жених преподносит невесте бокал особого вина на травах. Считается, что это поможет унять нервозность девушки, а еще повысит шанс на зачатие в первую брачную ночь. Если первенец у пары родится ровно через девять месяцев после свадьбы, то говорят, что этот союз благословили сами боги. Нет приметы лучше этой. Но... — Джестер едва не сорвался на стон. Со свистом втянул в себя воздух через плотно сжатые зубы и закончил почти шепотом: — Но после первого же глотка Флексия упала и забилась в конвульсиях. Она умерла прямо на моих руках, а я никак не мог ей помочь. Понимаешь?!

Последнее слово он почти выкрикнул, изменив своим обычным привычкам не повышать голоса. Отвернулся от меня и размеренно задышал, видимо, силясь совладать с эмоциями.

Да, мне было очень жаль Джестера в этот момент. Даже страшно представить, как он пережил все эти трагедии.

Смерть одной возлюбленной, неприятная правда от другой избранницы. А еще гибель отца...

– Флексия сказала, что прокляла своего убийцу, – очень медленно проговорила я. – Тебе не кажется...

– Ни слова больше, Лариса! – Джестер резко вскинул голову и в упор посмотрел на меня. – Ни слова!..

Его глаза сейчас казались абсолютно черными – настолько расширились зрачки. И в них клубилась такая непроглядная тьма, что мне стало страшно.

Пожалуй, он прав. Иногда лучше придержать язычок. И без того ясно, что сам Джестер прекрасно понял, куда я клоню.

– Теперь, пожалуй, ты знаешь обо мне все. – Джестер несколько раз моргнул, и его глаза приобрели обычный стальной цвет. Подумал немного и исправился с кривой ухмылкой: – Хотя нет, неверно. Ты знаешь обо мне больше, чем кто бы то ни был еще.

– То есть, в твоём прошлом таятся еще какие-то жуткие тайны? – скептически спросила я.

Джестер неопределенно пожал плечами. Затем в один гигантский шаг преодолел разделяющее нас расстояние.

Я невольно попятилась, когда он подошел вплотную. Мало ли. Хотя я и не верила словам Флексии о том, что именно он повинен в ее смерти, но все равно. Вдруг как примется сейчас меня душить и убивать всякими другими способами? Как я успела узнать, в этом мире очень не любят выно-

свить сор из избы. Образно, конечно, говоря. А я узнала даже слишком много из прошлого рода Курц.

Но рука Джестера уже опустилась на мою талию. Он просто придерживал меня, но от его прикосновения веяло знакомым холодом. Как в момент нашего знакомства.

– Завтра мы с тобой серьезно поговорим о предстоящем торжестве, – произнес Джестер. Костяшкой указательного пальца уперся мне в подбородок, не позволив опустить голову. – И я очень надеюсь, Лариса, что больше никаких ритуалов некромантии ты в моем доме проводить не будешь.

– Хорошо, – пискнула я, силясь не утонуть в его глазах цвета пасмурного ноябрьского неба.

– По крайней мере, без моего ведома или разрешения, – после недолгой паузы добавил Джестер.

Я заинтересованно приподняла бровь, ожидая продолжения. Но его не последовало. Джестер еще неполную минуту молча смотрел на меня. Затем мягко отступил – и вышел прочь из комнаты.

Глава четвертая

– Лариса Владимировна, к вам можно?

– Да-да, входите, – говорю я, при этом продолжая лениво печатать, а заодно люблюсь аккуратным свежим маникюром на своих ноготках.

Дверь приоткрывается, и в кабинет с удивительной для тучного мужчины грацией просачивается директор нашей фирмы – Дмитрий Евгеньевич.

Я поднимаю на него голову и улыбаюсь. Мужчина улыбается в ответ, плотно закрывает за собой дверь и вдруг с жестом фокусника вытаскивает из-за спины роскошный букет ярко-алых великолепнейших роз.

– Димочка! – ахаю я. – Какая прелесть!

Директор улыбается еще шире, вытаскивает из-за спины другую руку, и на свету вспыхивает холодным блеском бриллиантовой крошки золотой браслет.

– Это мне?

Я вскакиваю с места. Подбегаю к мужчине и обвиваю его шею руками.

– А вечером, Ларочка, поедem в ресторан, – вальяжно говорит он. – Я заказал нам столик в самом шикарном и дорогом заведении Москвы. Надеюсь, ты не против?

– О, если у меня и были какие-нибудь планы, то только

провести время с тобой. – Я негромко смеюсь и встаю на цыпочки.

Дмитрий Евгеньевич с готовностью вытягивает губы в смешную дудочку и тянется ко мне за поцелуем...

– Лариса!

Громкий оклик вырвал меня из объятий сна, так пугающе похожего на реальность. Я резко распахнула глаза и села, придерживая у груди одеяло. Сердце отчаянно билось, как будто мне привиделся настоящий кошмар.

– Лариса, ты металась и стонала во сне, – проговорил барон Гейб, мерцающим облачком появившись около кровати. – Приснилось что-то дурное?

– Да, – глухо сказала я. Подумала немного и исправилась: – Хотя нет. А впрочем, не знаю.

Призрак издал короткий смешок, видимо, позабавленный столь разными ответами на один простой вопрос.

А я вспоминала мельчайшие подробности увиденного сна. Демоны, да на какой-то миг мне почудилось, что я вновь вернулась в родной мир и родное тело! Опять сижу за своим рабочим столом и пишу ответ на очередную претензию крупного клиента.

Но почему в моем сне я целовалась с директором? Не спорю, Дмитрий Евгеньевич – замечательный мужчина. Даже не представляю, что бы я делала без него! Только благодаря его помощи я сумела так легко и безболезненно выгнать Вадима

из квартиры. И во время развода он во всем поддерживал меня и помогал. Но целоваться с ним? Увольте! Он старше меня лет на тридцать. К тому же давно и счастливо женат. Супруга, кстати, просто очаровательная женщина. А как божественно она готовит! Неудивительно, что у Дмитрия Евгеньевича такие проблемы с лишним весом. Но, кстати, во сне он выглядел изрядно похудевшим, как будто сел на строгую диету и занялся спортом.

– Что ты видела? – любопытствовал барон Гейб. – Неужто неупокоенная душа Флексии пыталась вновь поговорить с тобой?

– Нет, – сухо сказала я.

Встала и подошла к окну.

Комнату наполнял хмурый предутренний сумрак. Я отдернула занавеску и уставилась на величавые сосны, в окружении которых стоял дом Джестера. Еще не рассвело, но край неба пламенел всеми оттенками красного, предвещая скорый восход солнца.

Сон еще тревожил меня. Честное слово, он был настолько реальным, что я бы совершенно не удивилась, увидев вдруг серые стены типовых многоэтажек моего района. Да что там, я еще чувствовала аромат парфюма Дмитрия Евгеньевича – древесный и резкий.

– Я словно вернулась в свое тело, – проговорила я, чувствуя спиной любопытствующий взгляд Гейба. – Это было так реально! Как будто я в самом деле побывала в своем ми-

ре и увидела, как поживает Тереза в моем теле.

– И как она поживает? – спросил Гейб.

– Лучше, чем я, – коротко ответила я.

– Знаешь, а возможно, ты и впрямь на несколько мгновений увидела ее, – задумчиво протянул барон. – Когда-то я беседовал с Лией. Она объясняла мне принцип хождения между мирами. И сказала, что личность, даже будучи перенесенной в другое тело, все равно сохраняет некоторую связь с родным телом. Слабую, конечно, но все-таки. Поэтому порой во снах можно узнать, что происходит с твоим так называемым двойником.

Я молчала, обдумывая слова Гейба.

Неужели я действительно на пару минут стала прежней Ларисой? В таком случае стоит заметить, что Тереза удивительно ловко адаптировалась к новой жизни. Даже умудрилась очаровать и окрутить Дмитрия Евгеньевича. А хотя...

«Ты ведь знаешь, что нравилась ему и нравилась сильно, – шепнул внутренний голос. – Вспомни, на всех корпоративах он всегда сидел рядом. Подливал тебе шампанское, которое, впрочем, ты почти не пила из-за нелюбви к алкоголю. И разве его рука не оказывалась порой на твоих коленях? Правда, ты всегда старалась свести это в шутку. Принципы и воспитания не позволяли кокетничать и флиртовать с женатым мужчиной, который, к тому же, являлся твоим начальником и по возрасту годился в отцы. По всей видимости, Тереза в этом плане оказалась бойче и находчивее тебя».

Ну что же, не знаю, правда, радоваться этому сну или огорчаться. Одно очевидно: Тереза в моем мире не пропадет. Она-то точно сумеет пойти по головам к намеченной цели. Не удивлюсь, если Дмитрий Евгеньевич даже разведется и женится на ней. В конце концов, наверное, именно такой мужчина ей нужен. Добрый, заботливый и надежный. Тот, от которого она будет получать отеческую ласку, которой так недоставало ей в детстве.

– Ты выглядишь расстроенной, – прозорливо заметил Гейб. – Почему? Сама ведь сказала, что дела у Терезы обстоят лучше, чем у тебя.

– Если я когда-нибудь вернусь в свое тело, то, боюсь, мне придется долго расхлебывать последствия ее поведения, – резко проговорила я. – Мои родители вряд ли одобряют, что я связалась с женатым мужчиной, как это сделала Тереза...

И обиженно замолчала, услышав, как барон Гейб давится от смеха.

Что такого веселого я сказала?

– Тебе не кажется, что ваши истории в чем-то похожи? – поинтересовался тот. – У Терезы связь с женатым мужчиной. И у тебя.

– У меня еще никакой связи с Джестером нет, – отрезала я. – Это во-первых. А во-вторых, сомневаюсь, что жена моего начальника живет отдельно от него большую часть года и приезжает погостить лишь на годовщину свадьбы. Я была с ней знакома. Она просто замечательная женщина! И потом,

как отреагируют мои родители на всю эту историю?

– Почему-то мне кажется, что Тереза все устроит в наилучшем виде, – произнес барон Гейб нарочито бодрым тоном, как будто стараясь ободрить меня. – По-моему, девушка она предприимчивая и бойкая. Вон, даже Лию уговорила помочь ей сбежать из этого мира.

Я зло поджала губы. А вот я никого не уговаривала помочь мне сбежать. Более того, с превеликой радостью бы вернулась обратно!

Некстати вспомнился сон. Вытянутые для поцелуя губы Дмитрия Евгеньевича, его руки на моей талии.

Ох, пожалуй, я слишком погорячилась. Если я действительно увидела, как сейчас поживает Тереза в моем теле, то с возвращением лучше повременить. А то угожу в самый разгар разборок с женой своего начальника.

Да и сердце как-то неприятно заныло от мысли, что я больше не увижу Джестера. Гад он конечно. К тому же женатый. Но... Я все-таки буду скучать по нему.

– Как вы думаете, барон, какая роль мне уготована в предстоящем торжестве? – поинтересовалась я.

– Да откуда же мне знать? – фыркнул тот. – Лариса, я всю жизнь считал себя достаточно прозорливым человеком. Но по итогу выяснилось, что моя жена изменяла мне с моим же братом, а мой сын на самом деле мой племянник. А ты просишь меня проникнуть в планы главного инквизитора. Боюсь, в этом я тебе не помощник.

– Получается, жена Джестера – это дочь верховного инквизитора, – продолжила я, больше рассуждая сама с собой. – Что вы знаете про Этана Гурга?

– Что он сволочь первостатейная, – коротко ответил барон. – Не будь ты женщиной – забыл бы о своем происхождении и выразился бы покрепче. Когда я был жив, Этан уже возглавлял инквизицию Орленда. И ходили всякие неприятные слухи про него.

– Например? – заинтересовалась я.

Барон Гейб по какой-то причине медлил с ответом. Полупрозрачным размытым силуэтом он несколько раз пересек комнату, и я вдруг осознала, что Гейб по какой-то причине сильно волнуется.

– Барон? – вопросительно протянула я. – Чего вы боитесь? Вы и так мертвы.

– Ну, как выяснилось, для инквизитора не составляет особого труда причинить немало проблем и мертвецу, – глухо буркнул Гейб. – Лариса, просто держись подальше от Этана. Это мой тебе искренний совет. Я имел несчастье быть с ним лично знаком. Но, право слово, знал бы я, что наша встреча обернется такими проблемами для меня – держался бы от этого человека как можно дальше.

Я с любопытством ожидала продолжения, но его не последовало. Более того, фигура барона Гейба замерцала, показывая, что тот намерен прекратить разговор.

– Подождите! – окликнула его я, желая обсудить еще один

вопрос. – А вам не показалось странным то, что отец Джестера погиб после гибели неугодной невесты сына?

– Считаешь, что его отец был причастен к этой трагедии? – Барон Гейб хмыкнул. – Возможно, так оно и есть. Флексия ведь сказала, что прокляла своего убийцу. А посмертные проклятья, пожалуй, одни из наиболее сильных и страшных чар. Однако не стоит забывать, Лариса, что его отец тоже был инквизитором. Представители подобных профессий обычно имеют превосходную защиту от заклятий подобного рода. Знаешь, слишком часто им на головы призывают всевозможные кары и бедствия.

– Его отец тоже был инквизитором? – переспросила я.

– Ну а как же. – Барон Гейб облачком перетек чуть ближе. Понизил голос, как будто опасался, что нас могут подслушать: – Лариса, тебе ведь уже сказали, что в нашем мире способности к магии чаще всего передаются по наследству. От матери к дочери, от отца к сыну.

– Вообще-то, Джестер говорил, что наследование идет через поколение, – скептически исправила я. – От бабушек к внукам, от дедов к внукам.

– Это в случае с даром, который проявил себя впервые, – раздраженно фыркнул барон. – В древних магических родах талант к искусству невидимого проявляется в каждом представителе. У кого-то сильнее, у кого-то слабее. Конечно, случается и такое, что некоторые бедолаги вообще оказываются обделенными благостью небес. Но в таком случае чаще все-

го оказывается, что детки-то нагуленные. Поверь, род Курц, пожалуй, один из самых знаменитых в плане способностей к ментальной магии. Поспорить с ним может только род Гургов, к которому, как ты прекрасно знаешь, принадлежит нынешний верховный инквизитор. Ты же слышала, что одной из задач брака между Джестером и Летисией было примирение двух родов. Отношения между ними враждой назвать нельзя, конечно. Но и от дружеских они были очень далеки. Скорее, напряженнейшее соперничество, длящееся уже не одно столетие. А в последние годы они ухудшились многократно. Недаром пришлось вмешаться королю, лишь бы устроить помолвку.

Я потеряла лоб рукой. Как все сложно! Прямо настоящие тайны мадридского двора.

– Ладно, не забивай себе голову, – внезапно переменяет тон барон Гейб. – Лезть во все это тебе совершенно не обязательно. Просто держись подальше от Этана Гурга. Я бы, конечно, посоветовал тебе держаться подальше и от Джестера Курца, но, боюсь, это уже невозможно.

– Угу, – буркнула я, думая совсем о другом.

Легко сказать – держись подальше! Коготок увяз – всей птичке пропасть. А я и без того слишком погрязла в этом деле. И пусть Джестер сколько угодно соловьем поет о том, что мне не о чем беспокоиться, но интуиция говорит об обратном. Сама о себе не позаботишься – никто этого не сделает.

И я решительно обернулся к гардеробному шкафу. Самое

время готовиться к завтраку. Что-то подсказывает мне, что сегодня Джестер проведет его со мной. Слишком многое нам надо обсудить.

Когда Энни открыла дверь, чтобы пригласить меня в обеденный зал, то не сумела удержаться от изумленного вздоха.

Я опустила голову, пряча в тени довольную усмешку. Что, не ожидала, милочка?

Прошлым вечером я нарядилась как можно откровеннее, надеясь, что получится соблазнить Джестера. Но теперь решила изменить тактику. Для сегодняшнего дня я выбрала строгое наглухо закрытое серое платье, которое каким-то чудом отыскала в самом дальнем углу шкафа. Никаких вырезов и волнующих декольте. Лишь кружевной белый воротничок, который самую малость оживлял одеяние, более уместное для скромной послушницы какого-нибудь монастыря.

Длинные волосы я убрала в строгую косу. Вместо подводки на глазах и яркой помады использовала лишь пудру, постаравшись как можно сильнее выбелить лицо.

– С тобой все в порядке? – обеспокоенно спросила Энни, когда я встала к ней навстречу, по-прежнему держа голову смиренно склоненной. – Ты сегодня какая-то... бледненькая.

– Дурные сны, – почти не разжимая губ, обронила я.

Затаила дыхание, из-под полуопущенных ресниц наблюдая за реакцией служанки.

Проглотит наживку или нет?

Женщина нахмурилась было, но почти сразу пожала плечами. Посторонилась, пропуская меня в коридор.

– Знаете, мне приснилась девушка, очень похожая на вас, – все так же медленно и печально продолжила я.

Энни вздрогнула так сильно, как будто я наотмашь хлестнула ее. Побледнела и пошатнулась, левой рукой схватившись за сердце.

Меня кольнуло чувство раскаяния. Ой, Лариса, как бы не переборщить! Джестер точно не поймет и не простит, если ты доведешь его домоправительницу до сердечного приступа.

Я терпеливо молчала, ожидая от Энни какого-нибудь вопроса. Если она ничего не скажет – то я не стану продолжать эту тему. Встану и отправлюсь на завтрак. Но в этот момент Энни негромко спросила, запинаясь:

– А... А она что-нибудь сказала тебе?

– Да. – Я подняла голову и посмотрела на Энни в упор. – Она просила передать вам, что очень вас любит. А еще что ее убийца до сих пор не понес наказания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.